

An illustration featuring two women in a vibrant, abstract landscape. The woman on the left has long, flowing orange hair and is wearing a matching orange dress, reaching out with her hands towards the other woman. The woman on the right has short, light-colored hair and is wearing a light purple jacket over a white top and light-colored pants. The background is a mix of green, yellow, and purple organic shapes, suggesting a fantastical or dreamlike environment.

Элисон
Жерве

за **27** дней

он будет жить, если узнает,
что кому-то не все равно

Элисон Жерве

За 27 дней. Он будет жить, если узнает, что кому-то не все равно

**Серия «Young story. Книги,
которые тебя понимают»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69837988

За 27 дней. Он будет жить, если узнает, что кому-то не все равно:

ISBN 978-5-04-193757-7

Аннотация

Она – одинокая девочка из богатой семьи. Он – нелюдимый язвительный... самоубийца.

Но одно спонтанное решение изменило все: Хэдли подписала контракт со Смертью, чтобы спасти мальчика из школы. Иначе сложилась жизнь Арчера, его семьи... и даже ход истории.

Однако все не так просто. У нее есть всего 27 дней, а высшие силы не хотят позволить изменить порядок вещей. Смогут ли герои обрести счастье и какой ценой?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	40
Глава 5	51
Глава 6	59
Глава 7	64
Глава 8	80
Глава 9	92
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Элисон Жерве
За 27 дней. Он будет
жить, если узнает, что
кому-то не все равно

© Косарева Е.А., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*Всем, кто читал «За 27 дней» на Wattpad,
оставлял комментарии, голосовал за меня и даже
делился этой историей с друзьями: без вас книги бы
не было, и никакими словами не передать, как я вам
благодарна.*

Глава 1

Тот день

Что-то было *не так*. Я пока не могла понять, что именно, но в воздухе явно висело напряжение.

«Да, что-то стряслось», – подумала я, выходя из автобуса на остановке у старшей школы Джона Ф. Кеннеди. Все выглядело точно так, как и почти в любой другой день: красный кирпич, повсюду яркие вывески, ученики кучкуются на улице у главного входа. Моей школе уже больше века, так что в ней царит дух старого Нью-Йорка. Кажется, здесь никогда ничто не нарушает привычный порядок вещей.

И все же от заволакивающих небо туч не хватало воздуха в груди: они навевали чувство тревоги и... тоски. Практически удушающей тоски. Нью-Йорк никогда не спит, это город тысячи разных настроений. Но никогда раньше я не ощущала того, что происходило с ним сегодня.

– Давай, Хэдли, не стой в проходе.

Я быстро отошла в сторону, и из автобуса неторопливым шагом вышла моя лучшая подруга Тейлор Льюис.

С Тейлор мы встретились в первый день учебы в девятом классе: я в одиночестве бродила по коридорам в поисках нужных кабинетов. В тот момент она и решила взять меня под крыло, поскольку мы были одеты в одинаковые футбол-

ки из American Apparel¹, и поделилась со мной всем, что уже успела узнать о порядках в новой школе. Без нее я бы совсем заблудилась – в коридорах школы, в разговорах и, что совершенно точно, на карте социальных связей. Спустя два года мы все еще были лучшими подругами, и мне все еще было вполне комфортно существовать в тени такой популярной девчонки, как она.

– Почему у тебя такое странное выражение лица? – спросила Тейлор, когда мы влились в поток людей у главного входа.

Я оторвала взгляд от группы учителей, тихо перешептывавшихся в коридоре напротив администрации, и хмуроглянула на Тейлор:

– Что значит странное?

Она закатила глаза и пихнула меня локтем.

– Ладно, забей. Ты готова к самостоятельной по государственному строю США? Я в половине случаев вообще не понимаю, о чем там говорит Монро, да и, господи, уверена, нам никогда в жизни не пригодятся знания о том, из скольких людей состоит кабинет президента, и я... Хэдли, ты меня слушаешь?

Мое внимание было приковано к двум полицейским в форме, разговаривавшим чуть дальше по коридору с нашей

¹ American Apparel – американский бренд одежды, делает акцент на экологичном и этичном производстве и проводит различные социальные кампании. (Прим. пер.)

директрисой, мисс Грин. Судя по их напряженным, мрачным лицам, речь шла о чем-то крайне неприятном. Но что могло привести в нашу школу полицию?

– Прости, Тейлор, я просто... – у меня не получалось подобрать слова, чтобы описать свое состояние. – Не знаю, наверное, тоже из-за самостоятельной переживаю, вот и все.

Я принялась рыться в шкафчике в поисках учебника по химии, а Тейлор невесело усмехнулась.

– Ты-то чего волнуешься, Хэдли? Ты же единственная, кто умудряется не заснуть у Монро на уроках.

– Наверное, просто везет.

«А может, все дело в том, что мой папа – адвокат и он не переживет, если у меня будут плохие оценки по государственному строю», – подумала я.

Мы с Тейлор разошлись в разные стороны, я направилась к кабинету, и вдруг мне показалось, будто кто-то идет за мной по пятам и дышит в шею. Я плюхнулась за парту на первом ряду, постаралась дышать спокойно и размеренно, и у меня получалось – ровно до тех пор, пока не прозвенел звонок, а учительница так и не вошла в класс.

Миссис Андерсон, наша классная руководительница, преподавала у нас немецкий и была, пожалуй, самым приятным человеком, которого я встречала. Она почти всегда мычала какую-нибудь песенку себе под нос и одаривала улыбкой в тысячу ватт каждого, с кем даже просто пересекалась взглядом. У меня не хватало терпения на немецкий – я и два года

испанского едва выдержала, – но с миссис Андерсон было весело, и это помогало высидеть классные часы, пусть они и начинались невыносимо рано.

Опоздание миссис Андерсон лишь усилило мою тревогу. Моя подруга Челси любила говорить, что классная, должно быть, ночует в школе, ведь ее всегда можно увидеть где-нибудь в коридорах с кружкой кофе и пончиком в руках. К тому же она не пропускала ни одного школьного мероприятия или матча. Так где же она теперь? Опоздания – совсем не в ее стиле.

Прошло больше пяти минут, прежде чем дверь отворилась, и в кабинет вошла миссис Андерсон. На ее свитере было кофейное пятно, очки сидели на носу немного криво, она бросила на стол стопку папок и сказала:

– Извините, класс, прошу прощения, немного опоздала, кое-что... – она затихла и закусила губу, пытаясь оттереть пятно на свитере салфеткой. – Случилось кое-что... печальное.

В секундную паузу между ее словами мое сердце подпрыгнуло и начало беспокойно колотиться в груди. Я не могла знать, о чем «печальном» шла речь, но щемящее чувство внутри подсказывало: что бы это ни было, произошло нечто *плохое*.

Миссис Андерсон вздохнула, бросила салфетку в мусорное ведро и прислонилась к столу, скрестив руки на груди.

– Вчера один из учеников нашей школы совершил само-

убийство.

Я откинулась на спинку стула и резко выдохнула, чувствуя, как воздух стремительно покидает легкие.

Что?

Я почувствовала неладное еще двадцать минут назад, когда вышла из автобуса. Но *такое*? Хотелось спросить, кто так внезапно решил прервать свою жизнь, но я вдруг обнаружила, что не могу заставить себя произнести хоть слово. Во рту было сухо, как в Сахаре, язык превратился в кусок наждачки.

– Кто это был? – спросил парень, сидящий несколькими рядами позади меня, после первых секунд напряженного молчания.

Миссис Андерсон теребила край своего свитера.

– Арчер Моралес.

Имя звучало... очень знакомо. Я слышала его раньше, но никак не могла вспомнить, как выглядел его обладатель.

«Погоди-ка, – прошептал тихий голосок в голове. – Английский в девятом».

Верно. Английский с миссис Кейси в девятом классе. Арчер Моралес – мальчик, с которым мы сидели за одной партой в первом семестре. Когда миссис Андерсон произнесла имя, я вспомнила его не сразу, поскольку за весь тот год Арчер сказал мне не больше трех слов.

Откуда-то издалека доносились слова миссис Андерсон о том, что до конца недели можно в любое время подойти к

школьным психологам и поговорить о произошедшем. Вскоре я совсем перестала разбирать сказанное и теперь усиленно пыталась вспомнить все, что мне было известно об Арчере Моралесе.

Он держался очень тихо и большую часть времени не поднимал головы: прилежно следил за текстом, который читали в классе. Единственная возможность как следует разглядеть его лицо выпала, когда нам задали ответить на несколько вопросов по «Франкенштейну».

Может, я легко бы забыла о парне, который почти всегда молчал, если бы он не оказался самым притягивающим внимание человеком, с которым мне доводилось иметь дело. Я теряла дар речи в ту же секунду, когда он смотрел на меня своими ореховыми глазами, которые, словно рентгеновскими лучами, просвечивали меня насквозь.

Теперь, вспоминая те уроки английского, я вдруг поняла, что намеренно сделала все, чтобы забыть о них – из-за раздраженного выражения, которое не сходило с привлекательного лица Арчера все то время, пока мы работали вместе. Какой девушке захочется вспоминать, как парень всем своим видом показывал, что очутился бы где угодно, лишь бы *не смотреть* на тебя?

Если подумать, таковым было отношение Арчера Моралеса ко всему. Здание школы Дж. Ф. Кеннеди достаточно большое, но иногда я видела Арчера в коридорах – высокий рост и взъерошенные темные волосы выделяли его из толпы, –

однако он всегда был один, окружающие его сторонились.

Арчер Моралес был – теперь уже навсегда в прошедшем времени – одним из школьных изгоев. И вот его больше нет.

Я подскочила на стуле, когда звонок с первого урока затрезвонил под потолком, выдергивая меня из моих мыслей. Остальные уже поднялись из-за парт и двигались к выходу из кабинета, тихо переговариваясь между собой, не болтая и не смеясь, как это бывало обычно. После урока еще очевиднее ощущалось – общее настроение переменялось. Я добиралась до кабинета химии как во сне и все никак не могла свыкнуться с мыслью, что мой бывший одноклассник мертв.

Не то чтобы я хорошо знала Арчера Моралеса. Язык бы не повернулся назвать нас друзьями. Для меня он был совершенно чужим. Так почему мне кажется, что сердце вот-вот разорвется на куски?

К концу школьного дня, когда я вышла на улицу и направилась к школьному автобусу, похолодало. Прямо сейчас хотелось свернуться калачиком в кровати и забыть о том, что этот день вообще случился.

Я села одна на заднее сидение, прислонилась головой к стеклу и закрыла глаза с мыслью о том, как хорошо, что именно сегодня Тейлор сбежала с уроков на свидание с очередным ухажером. Другие девочки из компании не ездили на автобусе, так что у меня была возможность подумать в тишине. Покачивание в дороге успокаивало, как будто даже

отвлекало немного от урагана мыслей, роящихся в голове. Жаль, поездка была недолгой.

Я подняла воротник пальто и скрестила руки на груди, шагая в сторону многоэтажки, в которой прожила почти всю свою жизнь. Жилой комплекс находился прямо на границе Верхнего Ист-Сайда и выглядел чуть пафоснее, чем другие здания в Манхэттене.

Я часто чувствовала себя одиноко, оставаясь одна дома из-за бешеного графика родителей, но сегодня была несказанно рада тому, что возвращаюсь в пустую квартиру. Никогда еще меня так не манили мягкая кровать и родной уют неприбранной комнаты.

– Добрый вечер, Хэдли, – поздоровался швейцар Хэнсон, когда я подошла к зданию из серого стекла. – В школе все хорошо?

Я на пару секунд задумалась, не рассказать ли Хэнсону о произошедшем. Он был хорошим человеком и всегда искренне интересовался, как прошел мой день. Но мне не хотелось произносить эти слова вслух, говорить, что мой одноклассник покончил с собой, потому что не хотелось верить, что это все взаправду.

– Прекрасно, – наконец ответила я, и он придержал мне дверь.

– Помню, каково было учиться в старшей школе, – сказал Хэнсон, когда я шагнула через порог. – Как только вырвешься оттуда, мир больше не будет казаться таким уж плохим

местом.

Я не была уверена, что он прав, но, в любом случае, мило с его стороны, что он произнес эти слова.

Я пересекла мраморный холл с фонтаном, подошла к лифтам и поднялась на седьмой этаж. Прошла по богато украшенному коридору, достала из сумки ключи и открыла дверь в квартиру 7Е.

Мои родители никогда не отличались особой *скромностью*.

Наша квартира была обставлена ухоженной кожаной мебелью, выстлана кремовыми коврами, на стенах висели со вкусом подобранные фотографии городских пейзажей – в дополнение к окнам от пола до потолка в гостиной и столовой. Современнейшую кухню с хромированной техникой саму по себе можно было назвать произведением искусства.

Мама бывала здесь так редко, что удивительно, как у нее нашлось время на то, чтобы даже просто обустроить эту комнату.

Родители – адвокат и помощник финансового директора – постоянно пропадали на работе и, уезжая в командировки, спокойно оставляли меня дома одну на неделю или больше. В их отсутствие каждые день-два меня заходила проведать восьмидесятисемилетняя соседка миссис Эллис, но это не совсем то же самое, что быть рядом с мамой или папой.

Знаю, мне невероятно повезло жить в таком месте и ни в чем не нуждаться, но, по правде говоря, из-за всего этого

«богатства» мне было немного некомфортно, пусть другой жизни я почти и не знала. Родители не всегда зарабатывали космические суммы. Порой я скучала по скромному таунхаусу в Челси, в котором мы жили до того, как маму повысили, а папа открыл свою фирму. Тогда мы хотя бы проводили время всей семьей и каждый вечер собирались вместе за ужином.

Захлопнув за собой дверь в комнату и заперев ее на замок, я облегченно выдохнула.

Здесь мне всегда было хорошо. Гирлянды на балконном окне, пробковая доска над столом с прикрепленными к ней бродвейскими афишами и фотографиями Тейлор и нашей компании, полки с бесчисленными DVD и CD, которые я собирала много лет, – все это было для меня спасением от строгих кожаных диванов и профессиональных фотографий городских пейзажей из какой-то арт-галереи в Сохо², которые висели в гостиной.

Я предприняла вялую попытку выучить формулы по химии, но сдалась через пять минут, швырнула учебник в стену и рухнула лицом в кровать.

Было такое чувство, словно какая-то часть меня исчезла теперь, когда Арчер Моралес мертв и больше не ходит по этой земле. И от того мне невыносимо хотелось, чтобы он снова оказался здесь, пусть мы с ним и сказали друг другу

² С о х о – модный квартал в Манхэттене, Нью-Йорк, со множеством ресторанов, магазинов и арт-галерей. (Прим. пер.)

всего пару слов за все время.

Почему-то у меня просто не получалось смириться с мыслью о том, что вчера он был где-то рядом, а теперь его нет... и это навсегда. К тому же я мало понимала смерть. В шесть лет меня взяли на похороны прабабушки Луизы, но то был единственный раз, когда я столкнулась со смертью человека, которого хоть немного знала лично. Однако в тот день мне было неуютно смотреть на ее тело в гробу, и теперь неприятно было думать, что где-то сейчас лежит холодное тело Арчера.

Зарывшись под одеяло, я уткнулась лицом в подушку и, наконец, разрыдалась.

Глава 2

Два дня спустя

Два дня, один короткий репортаж в новостях и один некролог в местной газете спустя – смерть Арчера Моралеса уже было невозможно отрицать. Как бы ни было тяжело смириться с мыслью, что мой одноклассник чувствовал себя настолько плохо, что посчитал собственную смерть единственным выходом, это была правда. Я не раз ловила себя на том, что встаю на цыпочки и вглядываюсь в лица в школьных коридорах, надеясь увидеть Арчера. Но напрасно. Обычно он всегда маячил где-то в глубине толпы, но теперь все изменилось навсегда.

Я стояла перед напольным зеркалом в своей комнате и одергивала края черного платья с кружевами, которое откопала в шкафу. После привычных джинсов и футболок в платье было неудобно, но на похороны Арчера мне захотелось одеться красиво. Днем раньше на классном часе миссис Андерсон сказала, что желающие могут прийти на прощание с Арчером, но это было не очень похоже на полноценное приглашение. Надежда на то, что сегодняшней вечер поможет мне хоть немного смириться с произошедшим, понять, почему я не могу перестать думать об Арчере, перевешивала мое волнение.

Убедившись, что выгляжу подобающе, я быстро накинула куртку, взяла сумку и вышла из комнаты. Такси должно было подъехать с минуты на минуту. Я решила хотя бы попытаться что-нибудь съесть перед поездкой.

Проходя по коридору по пути в гостиную, я услышала спокойный приветливый голос. Повернула за угол и оторопела, увидев лежащего на диване папу, который оживленно болтал с кем-то по телефону.

Что великий Кеннет Джемисон забыл дома в такое время? Сейчас всего лишь начало седьмого. Такого раньше не случалось. В последние три года он никогда не возвращался раньше восьми.

– Так, Рик, мне пора, – сказал он, когда я прошла мимо. – Хэдли уже уходит.

Он завершил звонок и бросил телефон на кофейный столик, встал и, зевнув, потянулся.

– Почему ты дома, пап? – спросила я. – Ты никогда так рано не приходишь.

– Знаю, – ответил папа, следуя за мной на кухню. – Но мы с Риком сегодня закрыли дело Блэнчарда против Эмили и решили пойти домой пораньше, отпраздновать.

– А, здорово.

Повисла неловкая тишина, как будто и без нее сейчас не было тошно. Я открыла холодильник в поисках чего-нибудь, чем можно было бы перекусить.

Так происходило всегда, когда мы виделись с отцом.

Да, он мой папа, но обычно он настолько погружался в работу, что у нас не было возможности побыть вместе. Провести вечер дома не входило в первоочередные планы одного из самых известных адвокатов в городе.

– В общем...

Я отошла от холодильника с гроздью винограда и бутылкой воды и взглянула на него, удивленно нахмурившись.

– Да?

– Так вот, – он откашлялся, облокотился на кухонную столешницу и скрестил руки на груди. – Ты идешь на прощание с тем мальчиком?

– Эм... да, – ответила я. – С Арчером Моралесом.

На секунду на папином лбу появились морщинки задумчивости.

– Моралес... Почему мне кажется, что я слышал эту фамилию?

Я пожала плечами, запихивая в рот несколько ягодок винограда.

– Без понятия. В городе, наверное, тысячи людей с такой фамилией.

– Возможно.

Я прожевала еще несколько виноградин в надежде, что вот-вот зазвонит домофон и известит меня о том, что такси подъехало и я могу наконец сбежать от этого неприятного разговора.

Не хотелось говорить с папой об Арчере Моралесе.

Чего мне на самом деле хотелось, так это набраться храбрости и пойти попрощаться с мальчиком, которого я едва знала, найти способ отпустить его и не испытывать это странное чувство вины. Извиниться за то, что не уделила больше внимания, что никак не смогла поддержать.

– Тейлор тоже идет? – спросил папа после некоторой паузы.

– Нет, я иду одна, – ответила я. – У Тейлор дела.

Отец снова нахмурился, ему явно не нравилось, что я буду в городе сама по себе.

– Уверена? Мне не очень... спокойно от мысли, что ты идешь куда-то вечером, – сказал он. – Я бы мог, ну... поехать с...

Я перебила его, прежде чем он смог закончить это крайне неуместное предложение.

– Пап. Умоляю. Я знаю, как вести себя на улице ночью. Все будет нормально. Обещаю.

– Хорошо. Просто держи телефон при себе, ладно? И не задерживайся.

К счастью, через секунду затянувшуюся беседу прервал громкий звонок домофона.

– Это такси, – объявила я, допивая остатки воды в бутылке. – Я пошла.

– Э-э, да.

Я быстро обняла папу, пробормотала что-то на прощание и почти выбежала из кухни, мысленно радуясь тому, что мне

пора.

Морозный воздух защипал кожу, как только я шагнула в ранний декабрьский вечер. Придерживая для меня дверь ожидающего такси, Хэнсон улыбнулся и подмигнул.

– Куда-то едешь?

– На... похороны, – призналась я. – Мой бывший одноклассник, эм, покончил с собой.

Секунду Хэнсон молчал. Он не произнес слов сочувствия, а вместо этого коснулся моего плеча и легонько сжал. Думаю, именно это мне и было нужно.

Я скользнула на упругое сиденье и туго застегнула ремень, Хэнсон захлопнул дверь машины.

– Куда едем? – буркнул водитель с грубым бруклинским акцентом.

Я назвала адрес церкви, о которой говорила миссис Андерсон. Такси отъехало от тротуара и слишком уж резво вошло в транспортный поток. Я откинулась на спинку сиденья и зажмурилась, вдыхая через нос и выдыхая через рот.

Я не имела ни малейшего понятия, что меня ждет. Уже сложно было припомнить последние похороны, на которых я была. Будут ли все одеты в черное, будут ли плакать? Включат ли печальную музыку? Разгорится ли ссора между членами семьи Арчера, если кто-то начнет говорить вне очереди или ляпнет что-нибудь не то? Подобное происходило на всех похоронах, которые мне доводилось видеть по телеви-

зору, но не думаю, что в реальной жизни все это имело хоть какое-то значение.

Когда такси остановилось у церкви, я вытащила из кошелька несколько купюр, чтобы оплатить поездку, и вылезла из автомобиля прежде, чем позволила себе признать, что все это было ужасной идеей, и броситься молить водителя, чтобы увез домой.

Я обняла себя руками, защищаясь от хлесткого, жуткого гуляющего ветра, от которого по коже побежали мурашки. Я ожидала увидеть на улице много людей, поддерживающих друг друга в общей скорби, но вокруг было так же пусто, как на полках магазинов после черной пятницы. Однако знакомое чувство, будто за мной наблюдают, медленно накрыло меня, пока я поднималась по ступенькам церкви.

Когда я оказалась внутри, в нос тут же ударил запах ладана. Давненько я не была в церкви – мы перестали ходить, когда карьера родителей взлетела вверх, – но знакомая атмосфера все же навевала некоторое успокоение.

В зале, где я теперь стояла, было так же пустынно, как и на улице, отчего стало еще тревожнее. Где все? Я вытащила из сумки телефон, дабы убедиться, что не перепутала время.
18:58.

Теперь так просто уйти не получится.

Я сделала глубокий вдох, макнула пальцы в чашу с освященной водой слева от меня, перекрестилась и прошла вглубь церкви.

Переднюю часть алтаря украсили букетами белых цветов и белой тканью, почти как на Рождественскую службу, только атмосфера была куда более мрачная. Перед алтарем установили скромный гроб, усыпанный еще большим количеством белых цветов.

Сама по себе церковь была прекрасна: с витражными окнами и мраморными колоннами. Но она казалась больше, чем была, из-за бесконечных рядов пустых скамеек. Заняты были лишь первые две скамьи. Я заметила нескольких учителей – учителя математики мистера Гейджа и миссис Келлер, которая вела литературу, – и еще парочку людей из нашей школы, которых знала лишь в лицо, но не по именам.

Отчасти я рассчитывала, что церковь будет набита людьми. Осознание того, что так мало людей пришло почтить память Арчера и поддержать его семью, разбивало мне сердце. Быстро шагая по центральному проходу, я глядела вперед, на алтарь, чтобы не встретиться с кем-нибудь взглядом. Не желая привлекать к себе внимания, осознавая, что пришла ровно за две минуты до начала службы, я села на пустую скамью на одном из дальних рядов, сцепила руки в замок на коленях и стала дожидаться начала церемонии.

Отпевание началось ровно в назначенный час. Присутствующие встали, и немногочисленный хор у алтаря запел тихо и мелодично. Священник в сопровождении двух диаконов и мальчика-прислужника проследовал по проходу к алтарю. Спустя всего несколько секунд речи священника об

утрате столь молодой жизни раздались первые всхлипы.

Никто рядом со мной не плакал, но, встав на цыпочки и оглядевшись, я увидела в первом ряду женщину и утешающего ее мужчину. Женщина рыдала, уткнувшись ему в плечо. Мне не было видно ее лица и неоткуда было знать, кто она, но не составляло труда догадаться, что это мать Арчера.

Я подумала: мало какое страдание сравнимо со страданием матери, оплакивающей смерть собственного ребенка. Мальчик был мертв, а ведь все могло сложиться иначе. После этого я решила, что и мне позволительно поплакать.

Слезы полились быстро, неистово, когда мистер Гейдж подошел к кафедре, чтобы сказать пару слов об Арчере и о том, каким примерным учеником он был. Я плакала, когда вставший на его место мальчик с глазами, как у Арчера, произнес трогательную, полную любви речь. И всхлипывала, когда мне дали белую розу и я, спотыкаясь, побрела к алтарю, чтобы положить ее Арчеру на гроб.

Возможно, я простояла там дольше, чем положено, но что я могла сказать? Прости, что ни разу с тобой не поговорила? Мне жаль, что тебе было настолько плохо, что ты решил отнять собственную жизнь? Мне бы хотелось, чтобы ты был жив?

– Арчер, я...

– Ты знаешь моего старшего брата?

Я быстро обернулась и увидела перед собой маленькую девочку с симпатичными черными кудряшками и ясными го-

лубыми глазами, смотрящими на меня в недоумении. Ей было не больше пяти, и почему-то мне стало еще хуже от осознания, что у Арчера такая маленькая сестра.

– Эм... да, – сказала я, вытирая глаза. – Мы вместе учились в школе.

Девчушка улыбнулась до ушей.

– Он такой классный, правда?

От этих слов меня накрыло очередной волной тоски.

Она не сказала «был». Она говорила в настоящем времени. Так, будто ее брат еще жив. Я не знала, сколько ей лет, но она выглядела достаточно маленькой, чтобы еще не в полной мере понимать, что такое смерть. Не позавидовала бы человеку, которому придется объяснять ей, что брат больше никогда не придет домой.

Я постаралась выжать из себя смешок в ответ на ее воодушевление.

– Точно.

– Я Розы, – девчушка протянула мне руку, как это делают взрослые.

– Привет, Розы, – сказала я, пожимая ее руку. – Я Хэдли.

– Мама говорит, нельзя общаться с незнакомцами, но раз ты знаешь Арчера и ты красивая, думаю, можно, – протараторила Розы.

– Оу, – произнесла я, не зная, что ответить. – Спасибо?

– Пойдем, ты должна познакомиться с мамулей!

Розы схватила меня за руку и потащила обратно к скамей-

кам, где переговаривались несколько людей.

– Мам! Мам! – прошептала Роза, пробираясь между чужих ног. – Ты знаешь Хэдли?

Женщина с длинными темными волосами, в которых виднелось несколько седых прядей, и большими ореховыми глазами оторвалась от разговора с пожилой женщиной и повернулась, неодобрительно глядя на Розу.

– Роза, сколько раз я тебя просила не убегать? – она начала отчитывать дочь, поставив руку на бедро. – Я до смерти пугаюсь, когда ты так делаешь!

Роза, похоже, не придавала сказанному никакого значения и махнула на меня.

– Мамуль, ты знаешь Хэдли?

Женщина удивленно повернулась ко мне, и мне показалось, что она выглядит знакомо, хотя я точно была уверена, что мы не встречались раньше. Она была довольно красивой, но из-за темных кругов под заплаканными глазами и измученного выражения лица казалось, что она вот уже много дней совсем не спала.

– Хэдли, да? – она едва заметно улыбнулась и пожала мне руку. – Спасибо, что привела обратно мою дочь.

– Ничего страшного, – быстро ответила я. – Не за что. Я просто...

– Ты училась с Арчером?

– Эм. Да, – я нервно откашлялась. Несмотря на сильную усталость, женщина смотрела на меня с невероятной добро-

той. – Ходили вместе на английский в девятом классе.

– Здорово, – мягко сказала она. – Я Реджина, его... мама.

На последнем слове ее голос дрогнул, а глаза наполнились слезами, но она сделала глубокий вдох, загнула Розу в объятия и чмокнула в щеку, очевидно, в попытке отвлечься. Неудивительно, что ее внешность показалась мне знакомой. Глаза. Такие глаза довольно трудно забыть.

Кажется, сильнее женщины, чем Реджина Моралес, я еще не встречала. Только что умер ее сын, а она все равно пыталась улыбаться своей дочери. Я не представляла, что можно ей сказать. Любые соболезнования, которые бы я из себя выдавила, ни на самую малость не изменили бы ситуацию. И хоть я и была для Реджины незнакомкой, я обняла ее. Кажется, она была не против.

Пятнадцать минут спустя я вышла из церкви. На улице похолодало настолько, что на каждом выдохе мое дыхание превращалось в облако. Я сошла с тротуара и махнула рукой, пытаясь поймать такси. Машины мчались мимо, ни один водитель даже не подумал притормозить.

– Тебе не кажется, что такой юной особе, как ты, не следует так поздно бродить одной по городу?

Я дернулась, обернувшись на звук глубокого хриплого голоса.

Света уличного фонаря в паре шагов от меня не хватало,

чтобы полностью осветить ступени церкви, но я смогла разглядеть фигуру мужчины, сидящего на нижней ступеньке, вытянув ноги перед собой.

И как я его не заметила? И вообще, разве он был здесь, когда я спускалась по лестнице?

Я заговорила, запинаясь:

– Кто... Ч-что вам нужно?

– Ничего особенного.

Я, запинаясь, начала отступать назад, мужчина встал и неторопливым шагом вышел под свет фонаря.

Взглянув на него, я пожалела о том, что вышла за порог своей квартиры. Высокий, с гладкими темными волосами, одет в черную кожаную куртку, джинсы и потертые ботинки. Было сложно разглядеть его лицо, но я увидела впалые глаза и ввалившиеся щеки, из-за которых он выглядел так, будто за всю жизнь не съел ни крошки.

Однако не это так меня напугало. Дело было в глазах. Из-за пристального взгляда этих черных, бездонных глаз, казалось, что ему известна каждая мысль, которая когда-либо возникала у меня в голове.

– Я... я не хочу проблем, – сказала я, безуспешно пытаюсь подавить дрожь в голосе. – Думаю, вы...

– О, я здесь не для того, чтобы доставлять тебе проблемы, Хэдли Джемисон, – ответил мужчина с улыбкой, от которой у меня по спине побежали мурашки.

Кто он вообще такой?

– Откуда вы...

– Знаю твое имя? Я знаю все, Хэдли. Специфика профессии.

Я, может, и не гений, но уже достаточно знала о мире, чтобы понимать, что с этим человеком что-то было не так. Что-то было *совсем* не так.

– Слушайте, я не знаю, кто вы, – напряженно сказала я, – но лучше не подходите ко мне.

Мужчина порылся в карманах, выудил сигарету и тут же сделал глубокую затяжку. Я невольно поперхнулась, когда едкий дым ударил в нос.

– А то что? – спросил он, поднимая бровь. – Закричишь?

Сердце колотилось так сильно, казалось, я в любой момент могу грохнуться в обморок. Я быстро оценила свои шансы сбежать или хотя бы запрыгнуть в первое попавшееся такси, но так как сегодня я на каблуках, расклад был не в мою пользу. Вряд ли я успею снять каблуки настолько быстро, чтобы меня нельзя было легко догнать.

Что же делать?

– Кто вы? – я потребовала ответа.

Рот человека скривился в очередной широкой, пугающей ухмылке, он снова затаился. Пожал плечами.

– Вообще-то меня знают под многими именами. Старуха с косой. Ангел Азраил. Мефистофель. Но, думаю, не будем усложнять, можешь звать меня просто Смертью.

Глава 3

Сделка

Когда мне было четыре, я приняла не самое мудрое решение: прыгнуть в бассейн тети Терезы, игнорируя то, что плавать я совершенно не умею. От резкого погружения в кусачую ледяную воду я продрогла до костей. Когда меня наконец вытащили, я вся дрожала и еще несколько минут хватала ртом воздух.

То же неприятное, пугающее чувство охватило меня, когда я стояла у церкви и глядела в бездонные черные глаза человека, назвавшегося Смертью.

– Э-э... – я сжала зубы, чтобы не стучали. – Эм... думаю... я-я...

Каждая клеточка моего тела кричала: «Сделай что-нибудь!», – молила бежать и не оглядываться, но я не могла заставить себя пошевелиться.

Смерть посмотрел на меня почти изумленно.

– А у тебя не такие слабые нервишки, как я думал, Хэдли Джемисон. Думал, к этому моменту ты уже с криками бросишься убегать.

– Еще секунда, и так и будет, – выдавила я. Тело предательски дрожало.

– О, не думаю, что ты это всерьез, – задумчиво протянул

Смерть, покачивая головой. Он бросил сигарету на землю и потушил носком ботинка. – Думаю, тебе будет интересно услышать то, что я скажу.

– Я-я... Я не...

– Пойдем-ка пройдемся.

Внезапно Смерть крепко стиснул мою руку и потащил за собой на дорогу, прямо под колеса мчащихся на нас автомобилей.

– Ты больной? – заорала я, пытаюсь высвободиться из железной хватки. – Ты убьешь нас обоих!

Смерть утомленно вздохнул, впиваясь ногтями мне в кисть.

– Ох, давай потише. Мне известно, когда ты умрешь, и уверяю тебя, это будет не сегодня.

Почему-то мне от этого легче не стало.

Оказавшись на другой стороне дороги, Смерть ступил на тротуар и бодро зашагал вперед, практически волоча меня за собой. Я пыталась упираться ногами в землю, вырваться, но опасалась, что если продолжу в таком духе, то точно сломаю себе руку. Была мысль закричать во все горло, может, схватиться за кого-то из прохожих, но я не смогла даже поймать чей-либо взгляд. Всем будто не было никакого дела до того, что сомнительный тип, похожий на актера массовки из «Интервью с вампиром», тащит по улице девочку-подростка.

Мы прошли два квартала. Смерть резко остановился и на-

гнулся к моему уху, чтобы пробормотать:

– Мы оба понимаем, что, если попытаешься сбежать, я поймаю тебя и за волосы притащу обратно. Так что предлагаю перестать упираться, мгм?

Я тяжело сглотнула, чувствуя, как внутри клокочет злорадия. Никогда не считала себя слабачкой. Я же из Нью-Йорка, могу за себя постоять. Но в тот самый момент... Кажется, никогда в жизни я еще не была так напугана.

– Ладно, – сказала я, получилось что-то похожее на писк.

– Хорошая девочка.

Я оставила попытки удрать, хотя желание сделать это лишь усилилось во сто крат.

К моменту, когда Смерть, наконец, остановился, у меня уже ныли ноги.

– Мы на месте, – сказал он и изящным движением руки потянул на себя дверь Starbucks.

Я ввалилась в кофейню, крепко обхватила себя руками. Должно быть, я в каком-то странном, наводящем ужас кошмарном сне. Человек, назвавшийся Смертью, только что заявился на похороны моего одноклассника, чтобы отвести меня в Starbucks. Серьезно? Смерть положил руки мне на плечи и с усилием подвел меня к стойке. Девушка за кассой подняла глаза с ободряющей улыбкой, которая тут же сползла с ее лица, как только ее взгляд встретился со Смертью.

– Э-э...

– Добрый вечер, – поздоровался Смерть, его голос про-

звучал неожиданно нормально. – Нам два черных кофе, пожалуйста.

Девушка машинально кивнула, стала дрожащими руками шарить вокруг в поисках стаканов. Смерть протянул через стойку хрустящую десятидолларовую купюру, доброжелательно улыбнулся.

– Сдачи не надо.

– Э-эм... спасибо.

По тому, как девушка возилась с кофе, не поднимая на нас взгляда, стало очевидно, что мой план беззвучно прошептать «помогите» не увенчается успехом. Когда она протянула стаканы, я взяла их, и Смерть подтолкнул меня к маленькому столику у окна, под гирляндой бумажных снежинок. Желудок сделал кувырок, когда Смерть сел за стол и свет люминесцентной лампы упал на его лицо.

Будто смотришь на неизлечимого больного в последней стадии. Кожа цвета пергамента туго натянута на скулы, глазницы впали. Неудивительно, что он назвался Смертью. Он *выглядит*, как она. Еще больше вопросов вызывали черные отметины, покрывавшие каждый сантиметр его рук, скрывающиеся под рукавами куртки и выглядывающие из-под воротника рубашки. Лишь спустя секунду я осознала, что эти отметины были крохотными, грубо очерченными циферблатами часов.

Губы Смерти изогнулись в мрачной улыбке, он пристально посмотрел на меня снизу вверх и указал на место напро-

тив. И, готова поклясться, когда он пошевелил рукой, стрелочки на каждом циферблате *сдвинулись*.

– Садись.

Я осторожно опустилась на стул, вцепилась в свой стакан.

– Ладно, – откашлялась, внутренне пытаюсь собрать последние капли храбрости, чтобы выдержать то, что последует дальше. – Зачем все это?

Смерть опустил свой стакан на стол и, сцепив руки в замок, наклонился ближе ко мне.

– Решил поболтать с тобой немного об Арчере Моралесе.

Я сделала глоток, горячая жидкость обожгла горло, и я поежилась от горечи.

– Я не... – я непроизвольно вцепилась в стакан. – Думаю, вы... – не знаю, что именно лишило меня дара речи, вся эта ситуация со Смертью или то, что он желал говорить об Арчере Моралесе. – Я... Правда, мне лучше...

Рука Смерти опустилась на мое плечо и удержала меня еще до того, как я успела подняться с места.

– Послушай внимательно, Хэдли, потому что я скажу это лишь раз. Я собираюсь дать тебе шанс вернуться на двадцать семь дней назад и помешать Арчеру совершить самоубийство.

Вполне вероятно, мое сердце перестало биться в тишине, которая воцарилась после слов Смерти. Он хочет, чтобы я сделала *что?*

– Простите, что вы сейчас сказали?

– Я предупредил, что скажу это лишь раз.

– Для вас это шутка какая-то? – Каким-то образом я смогла встать и нависла над столом, склонившись прямо к его лицу. – По-вашему, самоубийство моего одноклассника – это забавно?

Смерть долго удерживал на мне пустой взгляд, а затем расхохотался.

Я бросила все свои силы на то, чтобы не схватить свой кофе и не плеснуть ему в лицо.

– Напротив, Хэдли, – заговорил он через секунду, по-прежнему подавляя смешки. – Дело крайне серьезное.

Он щелкнул пальцами.

Дальше случилось нечто очень странное. Ничего подобного со мной не случилось. Все происходило медленно, словно расплзался туман, но вскоре один за одним все до последнего посетители Starbucks замерли на месте. Струя жидкости, льющаяся из кофемашины, так и застыла в воздухе. Сморкающаяся женщина замерла, скорчившись, с нелепым выражением лица. Мужчина и женщина на входе в кофейню, держащие за руки маленького мальчика, остановились в дверях, и теперь с улицы тянуло холодом.

– *Что за...*

– Уверяю тебя, я подхожу к делу чрезвычайно серьезно, – сказал Смерть, опуская подбородок на сцепленные в замок пальцы. – А теперь не могла бы ты присесть, чтобы мы спокойно все обсудили, как взрослые люди?

Ноги подкосились, я плюхнулась на стул. Хотелось ущипнуть себя, но рука и кисть отказывались слушаться.

– Как... – я снова сглотнула, думая, что сказать.

– Как я останавливаю время? – Смерть закончил за меня. – Ну, такая вот специфика профессии. – Он пожал плечами, отпивая кофе. – Так жаль, правда? Арчер Моралес был таким хорошим мальчиком! Из чудесной семьи. Мамин сын. Младшую сестренку любил. И ты, Хэдли, жалеешь о его смерти.

– Конечно, жалею, – огрызнулась я.

– Жизнь – ценный дар, ею нужно дорожить, – продолжил Смерть. – И как бессмысленно и нелепо, когда она так рано обрывается. Я живу тысячи лет, видел тысячи разных вещей, но никогда не встречал ничего более ужасного, чем расставание с жизнью человека, которому не была уготована такая участь. Так ответь мне, Хэдли. Если бы тебе представился шанс предотвратить нечто плохое, несмотря на все твои страхи и все возможные последствия... Ты бы это сделала?

Я подумала об Арчере Моралесе и обо всем, что он потерял. Он никогда не пойдет на выпускной, не окончит школу и не поступит в колледж, никогда не встретит любовь всей своей жизни, не женится, не заведет детей, которых, быть может, завел бы, не увидит мир и не *изменит* мир.

Подумала о Реджине, матери Арчера, его сестре Розе, которая слишком мала, чтобы осознать, что ее брата больше нет. О том, как сильно по нему будут скучать.

Как же я могу *не* пойти на это? Пусть это и значит принять предложение какого-то безумца, который умеет останавливать время.

– Ладно.

Смерть посмотрел на меня с любопытством.

– Ладно... что?

– Я... Я готова. Сделать все, что потребуется... чтобы спасти Арчера.

– Правда?

Я кивнула, чтобы больше не испытывать свою способность говорить.

Смерть несколько секунд не отводил взгляда, а я просто сидела и пыталась убедить себя в том, что все это реально и что, возможно, – только возможно, – мне действительно сейчас дают возможность спасти Арчера.

– Не могу пообещать тебе, что будет легко.

– Я не настолько глупа, чтобы считать, что все будет просто.

– Умница.

Он сунул руку под полу куртки, вытащил свернутые в тугую трубочку бумаги и бросил на стол передо мной.

– Контракт? – отголосок киношного клише показался полным абсурдом в контексте столь серьезного разговора. – Но я думала...

– Уж будь добра.

Я пододвинула к себе бумаги и взглянула на первую стра-

ницу.

– А как конкретно я должна прочитать этот контракт, если даже не могу понять, что в нем написано? – я ткнула пальцем в страницу. – Таким странным черным символам нас в детском саду не учили.

– Английский не единственный язык в мире. Весь этот контракт – лишь формальность, не более, – заверил меня Смерть. – Поверь.

– И почему же я должна вам верить?

Он снова сунул руку во внутренний карман и вытащил ручку. Протянул мне.

– Просто очередной прыжок веры.

Я предчувствовала, что меня будет ждать еще не один прыжок веры, если я сейчас впишу в контракт со Смертью свое имя.

– Мой отец адвокат, чтоб вы знали, – сказала я. – Я не настолько глупа, чтобы просто поставить подпись, не узнав, в чем уловка.

– Никаких уловок, – ответил Смерть, удивленно приподнимая брови, будто ему не верилось, что я могу даже просто заподозрить его в обмане. – Я бы никогда не солгал.

Это явно было сарказмом, так что я решила не реагировать. К тому же я ничего не знала о Смерти, но было очевидно, что этот мужчина является кем угодно, но точно *не* человеком. Его попытка убедить меня в обратном выглядела просто смешно.

– Чем дольше тянешь, тем тяжелее будет отправить тебя обратно. Арчер мертв уже два дня.

Упоминания Арчера было достаточно, чтобы я схватила ручку и пролистала документ до последней страницы. На секунду застыла в напряженном сомнении, прежде чем написать в нужном месте свое имя, и пихнула стопку бумаг через стол обратно Смерти.

– Что теперь? – требовательно спросила я. – И почему у меня всего двадцать семь дней?

Казалось, что двадцати семи дней недостаточно для того, чтобы убедить кого-то не лишать себя жизни.

– Время, указываемое в контракте, всегда разное, – сказал мне Смерть, потянулся за бумагами и убрал их обратно в куртку. – В нашем случае двадцать семь дней – это время, которое понадобилось Арчеру, чтобы от первой мысли о самоубийстве дойти до его осуществления.

Сердце в груди выписывало кренделя, и мне пришлось глубоко дышать, чтобы избавиться от чувства, что я вот-вот снова расплачусь. Не хотелось думать о том, каково было Арчеру.

– Но должен тебя предупредить, – сказал Смерть, выдерживая меня из болезненных раздумий.

Ну конечно, должно быть это крохотное уточнение, что-то, о чем он забыл упомянуть *до того*, как я подписала контракт.

– Предупредить о чем? – неуверенно спросила я.

– В этом мире есть нечто, подчиненное... определенному порядку, – осторожно произнес Смерть, как бы подбирая слова. – И есть также... нечто, которое не радо тому, что этот порядок нарушается. Ему... или им... это может не понравиться.

Было очевидно, что Смерть лишь слегка подобрался к сути своего предупреждения, и это совсем не успокаивало. Если Смерть сам был таким *нечто* в нашем мире, то кто и что могло быть еще?

– Знаете, могли бы сказать об этом *до* того, как я подписала документ.

– Да, ну, я бы посоветовал тебе *не слишком* забивать этим свою симпатичную головку, – ответил Смерть. – Удачи, дитя.

Он снова щелкнул пальцами и, прежде чем я успела что-либо возразить, все погрузилось во тьму.

Глава 4

Да начнется игра – 27 дней до

– Вы слышите, мисс Джемисон? Мисс Джемисон? Мисс Джемисон!

Проснувшись, я вскрикнула, подскочила на месте и чуть не свалилась со стула на пол.

Мистер Монро, вредный лысеющий учитель по государственному строю США, навис надо мной, на лице его читалось недовольство.

– Рад, что вы решили-таки проснуться и присоединиться к классу, мисс Джемисон, – произнес он с презрением.

– Простите, мистер Монро, я не хотела засыпать, я...

Я прервалась на полуслове и огляделась, осознав вдруг, что сижу на уроке государственного строя США, вокруг меня хихикающие одноклассники, а на доске, на самом виду, красуется дата.

11 ноября.

Реальность со скрипом затормозила и начала рушиться мне на голову. 11 ноября. Что? Если память мне не изменяет, еще несколько часов назад было 9 декабря. Я сходила на прощание с Арчером Моралесом, который совершил самоубийство, а потом... заключила сделку со Смертью.

Я заключила сделку со Смертью. Арчер Моралес убил се-

бя, а я заключила сделку со Смертью, чтобы помешать ему.

Неужели я правда сижу на уроке государственного строя США, который был двадцать семь дней назад?

– П-простите, мистер Монро? Мне надо... – я встала, схватила куртку и сумку и, запинаясь, поспешила к выходу.

– Мне нужно...

Свалить отсюда? Стошнить? Отключиться? Что угодно лучше, чем еще хоть секунду провести в этом классе.

Я бросилась по пустому коридору вдоль рядов шкафчиков и хлопнула дверью в туалет для девочек. Убедилась, что в кабинках никого нет, а потом обрушилась на раковину. Воздух рваными выдохами выходил из легких.

Я открыла кран и плеснула себе в лицо холодной водой, радуясь, что на мне нет макияжа. Потом сделала еще один глубокий вдох и уставилась в свое отражение в грязном зеркале, надеясь, что хотя бы узнаю себя.

К моему облегчению, выглядела я как и всегда: все та же брюнетка со скучным карим цветом глаз и прямым носом, но щеки бледные, как простыня, а на лице застыло выражение глубокого шока. На мне джинсы и блузка, в которых я ходила несколько недель назад, последний раз я видела их на полу у себя в гардеробной.

Я отдаленно помнила гнетущую атмосферу, нависшую над школой в тот день, когда мы узнали о смерти Арчера, помнила, как мало людей было на похоронах, и я точно знала, что познакомилась с матерью Арчера – Реджиной – и его

сестренкой Розы.

И я бы никогда и ни за что, даже в худших своих кошмарах, не смогла бы выдумать кого-то, похожего на Смерть. Никогда не смогу забыть его исхудалое лицо или жуткую ухмылку, то, как он глядел на меня своими необычайно черными глазами, или же исписанные странными закорючками страницы, которые мне пришлось подписать, – тот самый контракт.

– Окей, Хэдли, – сказала я своему отражению. – Либо тебе приснился безумный сон, либо все это правда, и ты только что совершила путешествие во времени.

Было нелепо даже произносить эти слова вслух. Хорошо, что никто не слышал, как я болтаю со своим отражением. Я вышла из туалета и прислонилась спиной к стене, зажмурила глаза. Надо придумать план, вот только мой мозг был словно чистый лист. Я не любительница научной фантастики, но из того, что мне было известно, знала: путешествия во времени подчинялись определенным законам, и я должна была им следовать. Возможно, я уже нарушила часть из них за те пять минут, которые прошли с того момента, как я открыла глаза.

Должна ли я вернуться в церковь? Пойти в тот Starbucks, проверить, не сидит ли там еще Смерть, попытаться с ним связаться?

Ответ пришел в голову так внезапно, что я почувствовала себя глупой, что не додумалась сразу.

Ищи Арчера.

Даже если это все сон – и на секунду мне захотелось, чтобы это было не так, чтобы Арчер был жив, – нужно его найти. Еще не успев разобраться в своих мыслях и перейти к осознанным действиям, я побрела по коридору, пару раз свернула за угол и пробежала через библиотеку. Google не просто так изобрели, надо им воспользоваться.

Я нашла свободный компьютер за одним из столов рядом с секцией научной фантастики, села за него и воспользовалась школьным ID, чтобы залогиниться.

Запустив Google, быстро огляделась по сторонам, чтобы убедиться, что никто за мной не следит, а потом ввела: *Манхэттен, Арчер Моралес, некролог*.

Выпали сотни результатов.

Я пролистала пару сайтов, но ни в какой статье или некрологах не было информации, которую я искала. Никаких заголовков в стиле: «Трагическое самоубийство местного школьника» или «Состоялось прощание с юным школьником», ничего такого. Я десять минут искала хоть какую-то информацию, которая оказалась бы сколько-нибудь полезной, а когда это не дало результатов, выключила компьютер.

И что дальше? Гулять по коридорам и заглядывать в каждый кабинет в надежде, что в одном из них найду Арчера? Над головой затрещивал звонок, оповещающий об окончании урока. Я сверилась с настенными часами и поняла, что настало время обеда.

Вышла из библиотеки и присоединилась к толпе учени-

ков, спускающихся по лестнице в буфет. Ловко встретила в очередь за едой прямо за компашкой хихикающих девятиклассниц и схватила первую же порцию жареной картошки, до которой смогла дотянуться.

– ХЭДЛИ! Вот ты где!

Я обернулась на голос и увидела, как Тейлор пробирается через очередь.

– Ты где вчера была? – строго спросила Тейлор, прищурившись. – Я тебе звонила, написала примерно сто сообщений, и все без ответа! Ты забыла, что мы собирались пить кофе?

– Да? – я достала из кармана телефон и проверила сообщения. Три пропущенных и девятнадцать непрочитанных сообщений. – Ой. Прости. Увлелась домашкой и рано уснула.

Брови Тейлор поползли на лоб.

– Что с тобой творится? Тебя и в автобусе утром не было.

– Эмм... да. Пропала, пришлось взять такси. Пропустила первый урок.

Я выглядела жалко, когда лгала. Удивительно, что Тейлор меня не раскусила.

– Ага, – Тейлор взяла салат и пошла за мной до кассы. – Ты же так часто опаздываешь.

– Слушай, это случайно вышло, – сказала я. – Поверь, все хорошо. У меня все в порядке.

Мне бы стало легче, если бы я прямо сейчас выпалила

Тейлор все, что со мной произошло, но она бы ни за что в жизни мне не поверила. Никто не поверит в такую безумную историю. Я даже не уверена, что сама во все это верю. Мне надо увидеть Арчера собственными глазами, чтобы принять свою новую реальность.

Тейлор еще секунду разглядывала меня с озадаченным выражением лица, пока наконец не смягчилась и тяжело не вздохнула.

– Ладно.

И переключилась на рассказы о своем нынешнем ухажере, футболисте Ноа Паркере, пока я рассчитывалась с женщиной за кассой и высматривала нам столик. Для Тейлор все вернулось на круги своя. Жаль, я не могла сказать того же о себе.

Обед прошел как в тумане, Тейлор с девчонками щебетали на фоне, но я не слышала их слов, лишь жадно уминала картошку. Старалась незаметно разглядывать каждого, кто проходил мимо нашего стола, и тех, кто сидел рядом, надеясь, что мне посчастливится поймать взгляд ореховых глаз или разглядеть темную шевелюру Арчера. Напрасно.

Как только закончился обед, я рванула к своему шкафчику за учебниками для следующего урока. Продолжать делать вид, что ничего не случилось и моя жизнь не перевернулась с ног на голову, – последнее, чего мне сейчас хотелось, но лишь оставаясь в школе, я могла надеяться на то, что хоть одним глазком увижу Арчера. Так что я кое-как дотянула до

конца дня, стараясь держать себя в руках ровно настолько, чтобы никто не заметил, что я не в себе.

После седьмого урока я на ватных ногах побрела к шкафчику, чтобы забрать свои вещи и отправиться домой. Меня ждали любимая кровать, пара таблеток от сверлящей боли над левым глазом и кружка чая. Я надеялась, что от хорошего сна в голове немного прояснится и я смогу придумать, как отыскать Арчера. Конечно, если мне это все не приснилось. До этого момента я и не представляла, насколько тонка грань между сном и реальностью. Спутать одно с другим довольно легко, когда в голове бедлам, – а у меня с головой сейчас явно было не все в порядке.

Дойдя до шкафчика, я затолкала все, что нужно, в рюкзак и двинулась было в сторону автобуса, когда вдруг влетела в кого-то и, споткнувшись, повалилась на пол.

– Ой!

– Виноват.

Раздраженно выдохнув, я отбросила волосы с лица и подняла глаза на того, с кем столкнулась. Передо мной стоял Арчер Моралес.

– Ты? – выдохнула я, с трудом поднимаясь на ноги. – А ты что здесь делаешь?

Арчер Моралес поднял одну бровь в недоумении.

– Странный вопрос, учитывая, что я в этой школе учусь. А ты что здесь делаешь, Хэдли?

Мысли тут же залетали на предельной скорости, но на-

прасно: я никак не могла придумать, что сказать или сделать, чтобы после этого меня не сочли сумасшедшей. Хотя, судя по выражению лица Арчера и его пристальному взгляду, было уже поздно.

Он вежливо кивнул мне и быстро зашагал по коридору. Тридцать секунд общения, и он уже уходит? Не очень хороший знак, уж точно.

– Эй, погоди! – мне приходилось почти бежать, чтобы поспевать за его шагом. – Откуда ты знаешь, как меня зовут?

Едва ли я произвела на него такое сильное впечатление, что он запомнил меня после одного совместного предмета, который мы посещали два года назад.

Арчер остановился возле лестницы, повернулся и посмотрел мне в глаза.

– Ты Хэдли Джемисон, дочь того крутого адвоката и его жены-предпринимательницы. Мы вместе сидели на английском в девятом классе. Ты краснела, как лобстер, каждый раз, когда я на тебя смотрел.

«Как здорово, что он это помнит», – подумала я, закатив глаза. Просто отлично.

– Ну, я просто... Стой, куда ты?

Я, спотыкаясь, побежала вниз по ступенькам за Арчером, который снова размашистым шагом удалялся прочь. Может, у меня и нет большого опыта в общении с мальчиками, но все-таки я не дура. Было очевидно, что Арчер усердно пытается не подпускать меня к себе. К несчастью для него, я не

могу просто оставить его в покое.

– Подальше от тебя, – наконец бросил он через плечо.

В подтверждение всем моим догадкам.

– Это не... То есть, я просто...

У меня не получалось связать слова в предложения. Похоже, мои ноги мчались быстрее, чем мысли, и это явно не помогало произвести хорошее впечатление на Арчера.

– В общем-то, я хотела спросить, как дела? – проямлила я. – Давненько тебя не видела. Хотела поболтать с тобой.

– Ведь девчонки вроде тебя любят поболтать с такими, как я, – то ли фыркнул, то ли усмехнулся Арчер.

Он вышел на улицу, и я поймала дверь за секунду до того, как она шлепнула меня по лицу.

– Что значит «девчонки вроде меня»?

– Богатые девочки, которые ничего не знают о том, как устроен мир, – невозмутимо ответил он. Ему явно было не привыкать произносить подобное если не вслух, то про себя.

Я бы рассмеялась, если бы его слова так сильно меня не задели.

– Эй! Ты меня даже не знаешь! – крикнула я ему в спину.

– Мне и не нужно, – крикнул он в ответ.

Арчер влился в толпу людей, снующих туда-сюда по тротуару, и за считанные секунды исчез из виду.

Я глядела ему вслед: меня с головой накрыло осознание безоговорочного поражения. Так себе первая встреча.

Поскольку я уже отчаялась и едва цеплялась за остатки бывшего здравомыслия, то села на городскую электричку и поехала до церкви, в которой проходило прощание с Арчером, в надежде отыскать хоть какой-то след Смерти и доказать себе, что все происходящее со мной не было затянувшимся ночным кошмаром.

Двери церкви оказались закрыты, вокруг ни души, так что, посповав пару минут туда-сюда с чувством, что веду себя как полная дура, я решила пройтись до того самого Starbucks.

Приближался конец рабочего дня, и в кофейне было много народу, но мне достаточно было встать на цыпочки и осмотреться, чтобы понять, что Смерти среди всех этих людей нет. Хотелось закричать от отчаяния, но тогда бы меня в ту же секунду выставили из помещения. Поэтому я просто взяла себе мокко и поплелась до метро.

Спустя еще час я наконец была дома. Кое-как доползла до своей комнаты, шлепнулась лицом в кровать и сразу уснула. Мне ничего не снилось, и, когда я наконец открыла глаза, за окном была непроглядная темень, все тело затекло, и я не особо удивилась, когда увидела на экране телефона все ту же дату: 11 ноября.

Я сползла с кровати и отправилась в ванную, разделась и следующие полчаса провела стоя под горячими потоками воды. Душ не принес обычного расслабления. Я вылезла, завернулась в полотенце и ощутила еще большее напряжение

и тревогу, чем раньше.

Подошла к раковине, чтобы почистить зубы, и с губ сорвался удивленный вздох, когда взгляд упал на черные полосы на моей руке.

Поднеся руку ближе к лицу, я заметила маленькие грубоватые цифры, отпечатанные на коже запястья. 27.

У тебя двадцать семь дней на то, чтобы помешать Арчеру Моралесу совершить самоубийство.

Я несколько минут пыталась оттереть цифры горячей водой, мылом, мочалкой, но они словно были вытатуированы на запястье. Я порывисто выдвинула ящик комода, где хранилось несколько моих украшений, я покопалась там, пока не отыскала бусы в стиле навахо³, которые моя подруга Челси привезла мне из одной семейной поездки в Нью-Мексико. Я несколько раз обернула их вокруг запястья, получился импровизированный браслет, закрывающий цифры на коже. Чем меньше будут бросаться мне в глаза, тем лучше. По легенде, такие магические браслеты отпугивали злых духов, оберегали от ночных кошмаров и становились защитой для их владельца – вероятно, в следующие двадцать семь дней это для меня лишним не будет.

Выйдя из ванной, я надела пижаму и залезла обратно под одеяло. Уснула, лишь когда было глубоко за полночь, – слишком страшно было закрыть глаза и встретиться с тем, что могло поджидать меня во снах.

³ Н а в а х о – один из индейских народов Северной Америки. (Прим. пер.)

Глава 5

Сон может стать реальностью – 26 дней до

По ощущениям, я проспала всего пять минут, когда резко села в кровати, мгновенно проснувшись от жгучей боли в запястье. Закусила губу, чтобы не закричать, – настолько сильной была боль. Я перекатилась на другую сторону кровати и зажгла лампу на прикроватной тумбочке, стягивая намотанный на руку браслет. Пока я аккуратно разматывала бусы, кожа отзывалась болезненными ощущениями. На месте числа 27, до этого выписанного черным цветом на моем запястье, теперь было число 26.

Значит, *так* Смерть собирается напоминать мне, как мало времени у меня осталось на то, чтобы помешать Арчеру совершить самоубийство?

«Какой бред», – пробормотала я, бережно прижимая руку к груди.

Осторожно надевая браслет обратно, я глянула на циферблат будильника и увидела, что сейчас 2:49 утра. Через секунду пазл в голове сложился. Если в этот час и эту минуту я потеряла один день, стало быть, именно в это время Арчер убил себя.

После осознания этого заснуть получилось не сразу.

Когда я открыла глаза, за окном шел сильный дождь. Во лбу сверлило острой болью, а еще я каким-то образом запуталась в одеяле, пока спала. Я перекадилась на кровати, нащупала на тумбочке телефон, увидела время и вскрикнула.

На часах было без пятнадцати семь, а значит, у меня ровно пятнадцать минут на то, чтобы собрать себя в кучу, если хочу успеть добежать до остановки школьного автобуса за углом. Маленькая часть меня надеялась, что вчерашний день был не более чем сном, но на телефоне четко высвечивалось 12 ноября.

– Что за хрень? – закричала я в потолок. Потолок ничего мне не ответил.

Я со стоном сползла с кровати и быстро натянула на себя первые чистые вещи, которые попались на глаза. Закинув школьные принадлежности в сумку, заскочила в ванную, чтобы причесаться, и нанесла минимум макияжа, чтобы выглядеть хоть сколько-нибудь прилично. Проглотила злаковый батончик, выпила залпом апельсиновый сок, и вот уже я в подъезде, в лифте, и, едва двери лифта открылись, в стремлении успеть на автобус несусь через холл.

Я забыла захватить зонт из шкафа в прихожей и к моменту, когда взбегала по ступенькам автобуса, уже успела вымокнуть до нитки.

– Матерь божья, – тихо присвистнула Тейлор, когда я рухнула на сиденье рядом. – Ты выглядишь так, будто ползла через болото.

– Спасибо, – сказала я. – Именно это я и хотела от тебя услышать.

Когда мы подъехали к школе, я не пошла к подружкам – все мысли были о том, чтобы найти Арчера. Сначала узнаю, где он, и тогда уже придумаю, что сказать, – у меня явно не очень хорошо получалось с лету произвести хорошее впечатление. Наш вчерашний не очень-то дружелюбный разговор не должен повториться. Пора взять быка за рога и придумать наилучший способ сблизиться с Арчером.

Все утро Арчера нигде не было видно, и, когда прозвенел звонок на обеденный перерыв, я не стала заходить в столовую и отправилась в библиотеку. Вчера я вымоталась настолько, что легла спать, не сделав вообще никакой домашку, и теперь нужно было успеть дописать эссе по «Великому Гэтсби» на английский пятым уроком. Я устроилась за одним из столов в глубине библиотеки, в тихом и спокойном месте, и принялась излагать на бумаге, почему Фрэнсис Скотт Фицджеральд был одним из величайших писателей XX века, параллельно думая о том, насколько это эссе неважно по сравнению с тем, чем мне действительно стоило бы заняться, – поисками Арчера.

Прошло двадцать пять минут, я только закончила писать. Откинулась на спинку стула, потягиваясь и встряхивая затекшую руку, и в этот момент чуть не свалилась со стула. Арчер Моралес сидел в кресле в самом углу, за стеллажами фантастики от «Р» до «Т», на столике рядом с креслом ле-

жали его вещи.

Это была правда. Невероятная, пугающая правда. Вчерашний день мне не приснился, Арчер Моралес действительно был жив.

Я собрала свои тетрадки, сунула в сумку и, не колеблясь ни секунды, подошла к Арчеру. Он оторвался от книги, в чтение которой был погружен, и, как только меня увидел, закатил глаза. Могу поклясться, что услышала, как он пробормотал: «Опять ты».

Я попыталась не залиться краской и заговорила, пока остатки моего достоинства окончательно не иссякли.

– Мне кажется, наш разговор вчера как-то не склеился. Хотела нормально представиться. Я Хэдли Джемисон.

Он уставился на протянутую ему в качестве приветствия руку так, будто по ней ползают личинки, и насмешливо фыркнул.

– В этом нет никакой нужды, Хэдли, – он произнес мое имя, словно в нем было что-то очень смешное. – Я же сказал вчера... я и так знаю, кто ты.

– Я, эм, просто подумала, что было бы здорово узнать друг друга получше, – сказала я. – Ты кажешься мне хорошим парнем, и...

– Пожалуй, здесь я тебя остановлю, – сказал Арчер, поднимаясь из кресла. Мне пришлось откинуть голову назад, чтобы сохранить с ним зрительный контакт, настолько высоким он был. – Не знаю, что за игру ты затеяла, но на твоём

месте я бы прекратил ее, пока ты не наломала дров. Мне не нравится то, что происходит.

– Что? – удивилась я. – Не веду я никакую игру. Да я просто... хочу дружить с тобой, понимаешь? – я внутренне скриivilась от мысли, как нелепо это прозвучало. Жаль, ничего лучше в голову не пришло.

– Ну, тогда избавь себя от неприятностей, – ответил Арчер, скидывая вещи в рюкзак. – Я не хороший парень. Не стоит узнавать меня ближе.

Я не верила, что Арчер и правда плохой человек, и не считала, что так проявляется его истинная личность. Такой уровень нелюдимости в общении наверняка был результатом осознанного выбора. Почему же он так настойчиво отталкивает людей? Он обращается подобным образом со всеми или лишь с теми, кто решается сказать ему больше пяти слов?

Зазвенел звонок, сообщавший об окончании длинной перемены и начале пятого урока. Арчер воспользовался этой возможностью и быстрым шагом бросился к выходу из библиотеки.

– Ты можешь, пожалуйста, остановиться всего на секунду и выслушать меня, Арчер? – сказала я, догоняя его и хватая за руку.

– Ты никогда со мной не разговаривала, Хэдли, – ответил Арчер, испепеляя меня взглядом. Я быстро отпустила его руку и сделала шаг назад. – Почему вдруг передумала, а? Пospорила с кем-то? Какой-то новый тренд – дружить с

отбросами школы?

– Нет! Все не так!

Смерть предупредила, что просто не будет, но я и не представляла, что Арчер может быть таким... таким *грубым*.

– Отстань от меня, – отрезал Арчер. – Я начинаю уставать от того, что ты тратишь мое время, которого и так нет.

«Друг мой, ты и не представляешь, как мало у тебя времени», – подумала я.

– Все, о чем прошу, – начала я, сделав глубокий вдох, – хотя бы дай нам возможность познакомиться поближе. Может, даже провести время вместе разочек-другой. Типа, ну всякое же бывает, правда? Вдруг у нас с тобой много общего?

Судя по любопытному взгляду Арчера, похоже, он действительно обдумывал мое предложение.

– Почему? – наконец спросил он пару секунд спустя.

– Почему что?

– Почему тебе вообще *есть до меня дело*?

На полсекунды я задумалась о том, чтобы рассказать Арчеру правду. Что я знаю, что глубоко внутри он несчастен и отчаялся настолько, что готов проститься со своей жизнью, и поэтому я хочу ему помочь. Никто не должен справляться с таким в одиночку.

– Потому что... потому что я... – я закусила губу, тошнота подступила к горлу. – Ну, никто не должен быть одинок. Каждому нужен друг, так ведь?

Я осознала свою ошибку в тот самый момент, когда слова

слетели с моих губ. Лицо Арчера ожесточилось, губы вытянулись в тонкую линию.

– А я говорил, что я одинок? – спросил он, поднимая бровь. – Скажи мне, Хэдли, тебе никогда не приходило в голову, что мне нравится быть одному? Ты никогда не думала, что, может, я просто реально не люблю людей?

После вчерашнего представления такая мысль *приходила* мне в голову, и не раз, но я вроде как надеялась, что он просто шутил.

– Нет, но... у тебя это на лице написано, – сказала я.

Это было ребячеством, но на несколько секунд между нами завязалась эпическая дуэль взглядов. От давления его взгляда у меня чуть не задрожали колени. Если он всегда так себя вел, неудивительно, что люди шарахались от него, как от чумного.

– Честно, не думаю, что ты такой большой и грозный, каким тебя считают, – выпалила я. – И тебе не помешал бы друг.

Он прищурился, и выражение лица стало еще угрюмее.

– Похоже, с сегодняшнего дня придется быть еще большим уродом, чем раньше. Не могу допустить, чтобы люди подумали, что я не такой уж *большой и грозный*.

Я мысленно отложила эту фразу в отдельную папочку. Эту сторону Арчера мне необходимо было изучить глубже, это наилучший способ начать его разгадывать. Либо он шутил – в чем я сильно сомневалась – либо и вправду намеренно

отталкивал от себя людей.

– Арчер, я...

– Слушай, мне не нужна твоя жалость, – равнодушно сказал Арчер. – Выключи доброго самаритянина и отстань уже от меня.

Он ушел не оглядываясь.

Я просто стояла на месте, понимая, что опаздываю на урок, и размышляла, что мне делать дальше.

Глава 6

Третий раз – алмаз. 25 дней до

Обеденный перерыв после урока государственного строя США показался благословением. От занудной лекции мистера Монро о палате представителей гудела голова, просто чудо, что я снова не уснула. Я закинула вещи в шкафчик и снова отправилась в библиотеку. В этот раз мне не нужно было ничего дописывать, но я надеялась снова увидеть Арчера сидящим в том кресле в дальнем углу и хотела попытаться еще раз с ним поговорить.

Я чувствовала себя настоящим сталкером, крадясь по школе в поисках Арчера, выясняя его расписание, чтобы знать, где он может быть. Я быстро прошлась по библиотеке, заглядывая в проходы через книжные полки, но ни Арчера, ни его хмурого взгляда нигде не было. Возможно, именно сегодня он решил пообедать и пошел в столовую, как все остальные одиннадцатиклассники.

Я спустилась в столовую, втиснулась в очередь на раздачу и купила салат и картофель фри, потом поднялась на верхний пролет лестницы рядом с зоной отдыха и попыталась освободить место для Арчера. Тейлор сегодня не было – накануне она написала мне, что пойдет показывать город своим бабушке с дедушкой из Милуоки, – так что на сегодняш-

нем обеде я сама себе хозяйка.

Я радостно пискнула, когда наконец нашла его.

Арчер сидел один в дальней части столовой за маленьким столом, перед ним – раскрытая книга. Я пролабирала между столами и села на стул напротив Арчера, сняла крышку контейнера и насадила на вилку немного листьев салата и помидорку с видом, будто в этом не было ничего необычного и мы с Арчером каждый день обедали вместе.

Удивленное выражение лица Арчера быстро сменилось раздражением, когда он глянул на меня поверх книги.

– Что ты делаешь? – требовательно спросил он.

– Обедаю, – ответила я. – А на что это похоже?

Ему хватило наглости на то, чтобы попытаться выпроводить меня, помахав руками.

Я уронила вилку в салат и прищурилась.

– Вообще-то, я могу сидеть, где захочу.

Арчер снова взял книгу и открыл ее, явно давая понять, что разговор окончен.

Я не думая нагнулась вперед и вырвала книгу из его рук.

– Что читаешь? – я полистала страницы, отодвинув книгу подальше от него, когда он попытался забрать ее обратно.

– «Ромео и Джульетта»? – удивилась я, переводя на него взгляд. – Ты читаешь «Ромео и Джульетту»? Не ожидала, что ты окажешься поклонником Шекспира.

– Ты вообще ничего обо мне не знаешь, Хэдди, – огрызнулся Арчер. Я с удивлением отметила, что его щеки тронул

легкий румянец. Он застеснялся, что читает «Ромео и Джульетту»? – К тому же мне нужно пересказать ее на углубленке по литературе. Отдай.

Я снова перевела взгляд на открытую страницу, на которой Ромео и Джульетта впервые целуются на балу в доме Капулетти. На полях над репликой Ромео небрежным почерком были выведены строчки.

Ромео – идиот. Он ослеплен страстной влюбленностью в девушку, которую толком и не знает. Он не понимает, что любовь станет его погибелью. В долгосрочной перспективе для него было бы лучше, если б он вообще не тратил время на Джульетту. Любовь никогда ни для кого хорошо не заканчивается.

Я не знала, что и думать, когда прочитала это.

Мне тоже не особо нравилась эта сопливая история любви, но Арчер, похоже, ее просто ненавидел. Мне стало интересно, было ли у него какое-то изощренное, пессимистичное представление о любви, или же он просто не переваривал Шекспира.

Я отдала Арчеру книгу, и он сунул ее в рюкзак, параллельно успев одарить меня свирепым взглядом.

– Ты всегда такая настырная или специально для меня сцены устраиваешь? – спросил он.

– Я не пытаюсь быть настырной, – возразила я. – Просто пытаюсь узнать тебя получше. Ну вот, например, посмотри, в чем мы с тобой уже совпадаем: оба ненавидим Шекспира,

оба любим картошку фри. Представь, сколько еще общего у нас может обнаружиться, если просто проведем время вместе.

– Как заманчиво, – саркастично ответил Арчер.

– Но для начала пойдет, – отметила я.

Несколько секунд он внимательно изучал меня. Казалось, я слышала, как у него в голове крутятся шестеренки.

«Пожалуйста, дай нам шанс», – подумала я.

Прошла вечность, прежде чем он заговорил. Отрывисто и твердо, будто взвешивает каждое слово.

– Ладно. Окей. Только чтобы доказать, что у нас нет больше ничего общего. И после этого ты откажешься от своего странного социального эксперимента, или что ты там затеяла, и отвяжешься от меня.

– Значит, хорошо? – повторила я. Последние слова про отказ от дальнейших попыток еще не дошли до моего сознания. – Правда?

Едва заметная ухмылка тронула губы Арчера, он откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди.

– Если только ты не передумала. Лично я надеюсь, что да.

– Нет, нет, не передумала! – быстро сказала я. – Я просто... удивлена, вот и все. Что ты реально согласился.

– Согласился – громко сказано, – спокойно сказал Арчер. – Встречаемся на улице у выхода после звонка с уроков. И не задерживайся. Я тебя ждать не буду.

Как только он договорил, прозвенел звонок. Через секун-

ду он уже был на ногах, закинул рюкзак на плечо, и я сразу сделала то же самое.

– Так, – сказала я. – Значит, увидимся после уроков.

Он посмотрел на меня немного странно, склонив голову набок, и сказал:

– Ага. Ладно.

Он зашагал прочь и быстро растворился в толпе студентов, покидающих столовую. Похоже, меня ждала крайне неловкая вторая половина дня.

«Хэдли, Хэдли, Хэдли, – пробормотала я, массируя виски. – И во что ты ввязалась?»

Глава 7

Даниши с вишней и геометрия

Когда уроки закончились и я вышла на улицу, Арчер стоял, прислонившись спиной к фонарному столбу, снова погруженный с головой в «Ромео и Джульетту». Я не смогла сдержать облегченный вздох. Он не кинул меня. Хороший знак.

– Привет, – взволнованно сказала я, подойдя к нему.

Он оторвал глаза от книги и кратко кивнул в знак приветствия.

– Итак, – я покачнулась на носках, сцепив руки за спиной, – чем хочешь заняться?

Арчер убрал книгу в рюкзак, забросил его на плечо и махнул рукой в сторону тротуара.

– Есть одна идея. Нам туда.

Мне приходилось почти бежать, чтобы поспевать за Арчером, который шел большими шагами, пока мы проходили мимо автобусов, стоящих с заведенными моторами на дороге у школы. Мы были на полпути до тротуара, когда я услышала громкое «Хэдли! Постой! Эй, Хэдли!» позади себя.

Обернувшись, я увидела, что одна из моих подруг, Бри Уилсон, шагает в мою сторону. Ее выражение лица быстро переменялось: она была шокирована, когда заметила стоя-

щего рядом со мной Арчера.

– Привет, Бри, – поздоровалась я, когда она подошла к нам, и бросила тревожный взгляд на Арчера.

– Привет, – шумно выдохнула она. – Эм... Я просто хотела...

На лице Арчера заиграло веселье, поскольку Бри уставилась на него так, будто перед ней сам дьявол.

– Ты разве... Разве не идешь сегодня к Челси? – спросила Бри, кусая губы. – Раз бабушка и дедушка Тейлор приехали, мы планировали устроить марафон «Топ-модель по-американски». Помнишь?

– Эм, нет, прости. Вообще-то я...

– Прости, Бри, – вежливо сказал Арчер. – Сегодняшний вечер Хэдли проведет со мной.

– О, эм. Ладно. – Бри глянула на меня, вопросительно вздернув бровь, и начала отступать назад. – Хорошо.

«Напиши мне потом», – быстро прошептала она одними губами, после чего бросилась по тротуару в сторону автобусов.

– Мы с Бри вместе ходили на искусство в прошлом семестре, – сказал Арчер, когда мы снова двинулись в путь. – Потрясающе *умная* девочка.

Голос Арчера просто сочился сарказмом, и мне стало малость неприятно. Необязательно оскорблять моих друзей, он ведь их даже не знает. Бри и правда умная – просто предпочитает притворяться, что это не так, потому что убеждена,

что старшекласникам нравятся легкомысленные девчонки, и это крайне досаждало всем в компании, ведь мы не устаем повторять ей, что она чудесна такая, какая есть.

Я ускорила шаг, чтобы поспевать за Арчером, когда он снова двинулся вниз по улице. К моменту, когда мы наконец остановились, мы проделали уже приличный путь, и у меня начинали болеть ноги.

Мы стояли на тротуаре в невзрачной части Манхэттена у здания из красного кирпича, пребывавшего в довольно плачевном состоянии. Над дверью висела, качаясь на холодном ветру, сине-белая вывеска с надписью «Кофейня мамы Розы... Кусочек Италии с 1898!» облупливающимися черными буквами.

Было очевидно, что кофейне уже много лет, но был в ней какой-то шарм, который мне не удавалось уловить.

– Вау, – я взглянула на Арчера. – Что это?

– Семейная кофейня, – пробурчал он и нырнул внутрь.

Я поспешила поймать дверь и, шагнув через порог, тут же оказалась укутана приятным теплом. Насыщенные ароматы шоколада и кофейных зерен ударили в нос, я огляделась.

С обшитых деревянными панелями стен свисали искусно вышитые гобелены, а еще картины, на которых были изображены различные деревенские пейзажи. Слева находился большой мраморный камин, в решетке пылали поленья – радостный прием после холодной улицы. Перед камином стояли мягкий красный диван и такие же кресла. Рядом к сте-

не было придвинуто старое пианино, которое выглядело так, будто долгие годы выступало в качестве пылесборника.

Протертые деревянные полы скрипели каждый раз, когда кто-то проходил. По кофейне были расставлены круглые и квадратные столики, три-четыре стула вокруг каждого. Несколько посетителей сидели за столиками, перед ними – стаканы с кофе и съеденные наполовину булочки или тарелки супа, они что-то печатали в своих ноутбуках, читали книги или журналы.

В передней части кофейни располагалась длинная стойка со старинным кассовым аппаратом и витриной, полной свежей выпечки. На доске, висевшей на стене, цветным мелом были выведены названия предлагаемых блюд и напитков.

Арчеру, похоже, было все равно, есть в кофейне посетители или нет, потому что он крикнул: «Ба! Бабуль!», зашел за стойку и устремился к задней двери.

Я услышала, как сиплый голос прокричал что-то на языке, похожем на итальянский, а потом из подсобки, суется, выбежала невысокая пожилая женщина.

Ее волосы благородного оттенка седины были собраны в тугую пучок внизу, у самой шеи, на кончике слегка искривленного носа сидели очки. На ней была длинная серая юбка и кардиган в тон, и лишь секунду спустя я осознала, что видела эту женщину раньше – в реальности, которой, я надеялась, больше не существовало. Это была бабушка Арчера, хоть я и не успела тогда узнать ее имя.

– Я уже заждалась, молодой человек, – гаркнула пожилая женщина. Можно было подумать, что она выкуривает не меньше пачки сигарет в день. – Все думала, когда же ты соизволишь явиться.

– Прости, – сказал Арчер, потянувшись за данишем с вишней на витрине с выпечкой. – Я...

Женщина, в которой я мгновенно узнала маму Арчера, вышла из подсобки вслед за старушкой, она выглядела почти так же, как в момент нашей первой встречи, только сейчас улыбалась. На ней были выцветший красный свитер и черный фартук, припорошенный мукой, но она выглядела прекрасно, несмотря на измученное выражение лица.

Все было так странно... не описать словами.

Последний раз я видела этих женщин на похоронах Арчера, однако Арчер собственной персоной стоял здесь, с ними рядом, и с недовольным видом жевал этот дурацкий даниш.

– Привет, зайчик, – сказала Реджина Моралес Арчеру. – Ты уже... Оу.

Она прервалась на полуслове и уставилась на меня широко распахнутыми ореховыми глазами.

– Прости, – повторил Арчер. – В школе задержали.

Его взгляд был направлен на меня и ясно давал понять, что именно я была причиной его «задержки».

– Оу, – снова произнесла Реджина, она по-прежнему выглядела крайне удивленной. – Привет.

– Здравствуйте. – Я прямо-таки почувствовала, как щеки

заливаются краской.

– Это твоя девушка, молодой человек? – бесцеремонно спросила старушка, обводя меня пронизательным взглядом поверх оправы.

– Она *не* моя девушка, – фыркнул Арчер, откусывая кусок от булочки.

– Ну, здравствуй, – сказала Реджина, протягивая мне руку, вежливая улыбка тут же стерла с ее лица все признаки усталости. – Я Реджина, мама Арчера.

– Здравствуйте, – ответила я, старательно выдавливая из себя ответную улыбку. – Я Хэдли.

Смотреть на Реджину и делать вид, будто мы никогда не встречались, хотя я прекрасно знаю, что это не так... Как мне теперь вообще вести себя с этими людьми?

– А я Виктория, – добавила старушка, не протянув мне руки. – Бабушка Арчера.

– Приятно познакомиться, – вежливо ответила я.

Виктория шмыгнула носом, словно давая понять, что мне здесь не рады, и снова повернулась к Арчеру.

– Что ж, молодой человек, а вам пора за работу. На кухне скопились тарелки, они сами себя не помогут.

– Хорошо, – сказал Арчер, уплетая остатки даниша. – Я только...

– Ах, Арчеру необязательно работать сегодня, мам, – быстро сказала Реджина, кладя руки на плечи Виктории. – Наверняка ему нужно делать уроки. Да и невежливо остав-

лять Хэдли одну.

– Я лучше тарелки помою, – пробормотал Арчер.

Когда до меня дошли произнесенные им слова, я чуть не лупанула себя рукой по лбу. Ну *конечно*.

Арчер привел меня сюда, чтобы самому поработать, наверное, решил, что я не захочу ошиваться здесь в одиночестве, предоставленная сама себе. Просто уловка, чтобы заставить меня уйти как можно раньше. Мало того – мы шли сюда от самой школы, хотя я точно знаю, что мы могли бы сесть на электричку и значительно сократить время и силы, потраченные на весь путь. Он просто хотел, чтобы я сдалась, и, более чем уверена, это не раз еще повторится.

– Глупый мальчишка, – буркнула Виктория, качая головой, будто все проблемы в мире были из-за того, что Арчер не пойдет мыть посуду. – Что ж, как минимум, тебе придется посидеть с сестрой, когда я ее заберу. Я уже опаздываю. И пошевеливайся, не тяни с работой.

– Прости мою мать, – со смущением сказала мне Реджина. – Она пару лет назад перенесла инсульт, с поражением лобной доли. Не стесняется в выражениях. Давайте вы с Арчером пойдете делать уроки, а я принесу вам что-нибудь поесть и сделаю горячее какао? – Она снова улыбнулась мне и глянула на Арчера с упреком, явно давая понять, что он должен перестать вредничать.

Он сердито посмотрел на мать, недовольный ее предложением, но не осмелился ей возразить.

– Оу, – сказала я. – Было бы... просто чудесно, спасибо.

Оказалось довольно сложно не расхохотаться, глядя на выражение лица Арчера, осознавшего, что его план спровадить меня с треском провалился. Он вышел из-за стойки и направился к столику в глубине кофейни. Я благодарно улыбнулась Реджине и пошла за ним. Может, даже попытаюсь справиться с частью домашки. Я села за столик напротив Арчера, взяла свою сумку и вытащила из нее учебник по геометрии. Геометрия была моим самым нелюбимым предметом и отнимала больше всего времени.

Арчер порылся в своем рюкзаке и вытащил учебник по высшей математике, что-то похожее на дневник по углубленному курсу литературы, «Ромео и Джульетту», автобиографию Фредерика Дугласа и стопку тетрадей.

– Охренеть, – сказала я. – Тебе надо все это делать? Какие у тебя предметы?

Он опустил стопку тетрадей и учебников на стол и заглянул в мою домашку.

– Ну явно не курс геометрии для отстающих.

– Смешно, – пробурчала я, закатывая глаза. – Ну плохо у меня с математикой. Подумаешь.

Через пару минут неловкой тишины Реджина принесла нам две больших кружки с горячим какао со взбитыми сливками, посыпанным корицей и шоколадной стружкой. Помимо этого мы получили тарелку печенья, еще один даниш с вишней и огромных размеров булочку с корицей.

Горячее какао было очень вкусным, от макушки до самых пальцев ног прошла приятная волна тепла. Я подумала, что надо не забыть попросить рецепт.

– Итак. Эм, – я откинулась на спинку стула, откусила кусочек от булочки с корицей. – У тебя есть младшая сестра?

Арчер оторвался от домашней работы и нахмурился.

– Да. Розы.

Я сдержала улыбку, вспомнив, какой очаровательной была Розы в вечер нашего знакомства, пусть оно и произошло не при самых радужных обстоятельствах.

– Сколько ей? – спросила я.

– Пять, – кратко ответил Арчер. Он не поднимал головы, старательно водя ручкой по бумаге. – Большую часть времени, когда мы вместе, она выводит меня из себя.

На этот раз я все-таки улыбнулась.

– Но ты ее любишь.

Губы Арчера вытянулись в тонкую линию, и он снова поднял на меня глаза.

– Вы закончили со своим психоанализом, господин Фрейд?

Я вернулась к геометрии, закусив губу, чтобы ничего не выпалить в ответ.

Если гигантская булочка с корицей и горячее какао отвлекали от дел, то Арчер и подавно. Он справлялся со всей своей домашней работой, почти не прилагая усилий. У меня даже появилось желание сделать свою домашку так же хорошо.

Однако ничего не выходило в основном потому, что, пока я пыталась найти нужную формулу, тарабанила пальцами по бедру, мои глаза постоянно останавливались на Арчере. Я испытывала иррациональный страх, что, если отведу от него взгляд, он исчезнет, а я проснусь и обнаружу, что все это было лишь сном.

И чем больше я тайком бросала на него взгляды, тем больше против своей воли отмечала, насколько он симпатичный. Он был одет в черную рубашку с закатанными до локтей рукавами и, похоже, регулярно тренировался, потому что выглядел подтянутым. Его волосы начинали виться кудряшками у шеи и казались мягкими на ощупь. У него было такое очаровательное лицо, что хмурое и задумчивое выражение ему совершенно не шло.

Когда Арчер поймал на себе мой взгляд и я осознала, что пялюсь на него на протяжении последних двух минут, я быстро зарылась с головой в домашку, но перед этим успела заметить, как он посмотрел на меня так, будто сомневается в моей адекватности.

«Просто сосредоточься на геометрии», – сказала я себе. Она ведь намного интереснее.

Через час на город опустилась ночь, к тому моменту мы уже успели расправиться с печеньем и булочками. Еще стало понятно, что у меня есть все шансы завалить геометрию в этом семестре. И что Арчер был вторым пришествием гребаного Альберта Эйнштейна.

– Сдаюсь, – жалобно скулила я. – Не дается мне геометрия. Лучше прямо сейчас уйду из школы, найду большую картонную коробку и...

Арчер схватил мой учебник по геометрии и полистал страницы. Уже через полсекунды он рассмеялся. Это был не тихий смешок, ничего подобного, – полноценный, до дрожи в плечах, до закидывания головы хохот. Он смеялся так громко, что несколько человек, сидящих рядом с нами, бросили на него любопытные взгляды.

Меня застала врасплох глубина его смеха. Я была бы не против еще раз послушать, как смеется Арчер Моралес. И поймала себя на мысли, что мне хотелось бы, чтобы он делал это чаще.

– *Вот это?* – задохнулся Арчер. – Ты не можешь разобраться с теоремой Пифагора?

Я крепко сцепила руки на груди, пытаюсь игнорировать пылкий прилив крови к щекам.

– Не всем тут быть гениями математики.

– Да, но теорема Пифагора – это же просто уровень средней школы, – ответил он довольно надменным тоном. – Даже *ты* с ней справишься.

– Эй! Что значит «даже ты»? – возмутилась я.

Арчер проигнорировал мои слова, открыл мою тетрадь на чистой странице и начал записывать какие-то цифры.

– Что ты делаешь? – спросила я.

– Покажу тебе, как это решается.

Я вытаращи́лась на него. Было сложно поверить, что Арчер предлагает мне помощь.

– Серьезно?

Он закатил глаза и раздраженно протянул:

– Я это не ради тебя делаю. Меня передергивает от того, как бесцеремонно ты обращаешься с математикой. Пифагор, наверное, в гробу вертится.

Я не горела желанием слушать колкие комментарии Арчера, но, к сожалению, он, похоже, знал, что делает, а мне пригодилась бы любая помощь. Пара дополнительных занятий точно не повредят.

Лишь спустя долгие пятнадцать минут я наконец смогла уверенно сказать:

– Значит, я подставляю вместо $A2$ и $B2$ семнадцать и три, а потом нахожу $C2$?

Арчер бросил ручку на стол и сделал раздраженный глубокий выдох.

– Наконец-то! До нее дошло!

– Большое спасибо за помощь, – кисло произнесла я. – Приятно осознавать, что ты такой чудесный репетитор-альтруист.

– Как так получается, что ты не понимаешь элементарную геометрию, но спокойно орудуешь такими словами, как «альтруист»? – нахмурившись, спросил Арчер, пододвигая ко мне мою домашку.

Я подумала, что в чем-то он, может, и прав, и все же ма-

тематика – отстой. Все, что было связано с математикой, вызывало во мне желание свернуться в клубочек и плакать. Как по мне, английский был гораздо более интересным школьным предметом.

– Я не могу в математику, потому что ее изобрел дьявол, – сказала я. – Предпочитаю спать со словарем под подушкой.

Судя по выражению, которое пронеслось по лицу Арчера, он считал меня чокнутой. Если раньше нет, то теперь точно.

– Ты странная, – сказал Арчер. – В смысле... *реально* странная.

Он был прав. Разве не я только что заключила сделку со Смертью? Я *действительно* странная.

Было около семи, когда я начала собираться домой. «Корфейня мамы Розы» закрывалась в семь, и Арчер сказал, что ему нужно помочь маме с закрытием.

– Спасибо, что помог с математикой и все дела, – поблагодарила я, пока Арчер складывал в стопку свое сделанное домашнее задание. – Здорово у вас здесь.

– Еще бы, – ответил Арчер, хотя в голосе его, мягко говоря, особого восторга не прозвучало.

Поняв, что лучшего прощания от него уже не дождусь, я еще раз поблагодарила Реджину за какао и угощения и направилась к выходу. И в этот момент в голову внезапно пришла одна идея, способ проводить время с Арчером, не унижаясь в попытках уговорить его на дружбу со мной.

– У меня к тебе предложение, – сказала я, возвращаясь к Арчеру после того, как проделала уже полпути до двери.

Арчер оторвал глаза от учебника, который в этот момент засовывал в рюкзак, и было видно, что мои слова застали его врасплох.

– Какое предложение?

– Предлагаю тебе стать моим репетитором по геометрии.

Он глядел на меня выжидающе, подняв брови.

– И?

– И все, – сказала я. – Просто я была бы тебе очень благодарна, если бы ты позанимался со мной геометрией. Мама убьет, если у меня по еще одному математическому предмету выйдет тройка.

В прошлом году я чуть не завалила алгебру, хотя трижды в неделю занималась с репетитором и делала кучу дополнительных заданий на оценку. Я не горела желанием повторять тот опыт, к тому же теперь у меня был идеальный предлог сблизиться с Арчером. Даже за то небольшое количество времени, что мы уже провели вместе, я поняла, что он не такой неприступный и грубый, каким пытался казаться рядом со мной. Ни один большой и грозный парень не будет так таять при упоминании своей младшей сестры, как это происходило с Арчером.

– А я что получу с того, что буду с тобой заниматься? – спросил Арчер, скрещивая руки на груди.

Мое сердце глупо екнуло в груди. Неужели он правда рас-

смаатривает такую возможность?

– Мою очаровательную компанию, – сказала я, шутливо улыбаясь. – Мою великолепную миловидную внешность. И столько картошки фри, сколько сможешь съесть.

Возможно, так упал свет, а может, мое бурное воображение заработало с удвоенной силой, но, готова поклясться, Арчер *покраснел*. Его щеки обрели ярко-розовый цвет, когда он быстро отвел взгляд, прокашлялся и принялся копаться в рюкзаке. Что такого я могла сказать, чтобы он раскраснелся?

– Я сделаю это ради картошки.

Я постаралась сдержать исступленный вопль.

– Чудесно!

– Ты сильно не радуйся, – пробурчал Арчер. – А теперь мне правда нужно помочь с закрытием кофейни, так что, если не возражаешь... – он ткнул большим пальцем в дверь, явно приглашая меня проследовать к выходу.

Я пожелала ему хорошего вечера и еще раз поблагодарила за помощь, получив в ответ ворчанье. Сегодняшний лимит разговоров с Арчером явно был исчерпан.

Я вышла из кофейни с чувством легкого самодовольства. Села на электричку и всю поездку доделывала домашнее задание, на которое не хватило времени из-за долгих мучений с геометрией. Все еще не верилось, что Арчер согласился мне помочь, хотя, если он и вправду был перфекционистом, каковым начинал мне казаться, логично, что ему хотелось сделать так, чтобы больше людей понимали что-то, по его

мнению, настолько простое, как геометрия.

До дома я бежала, жалея, что не надела утром куртку по-теплее. Было неестественно холодно для этого времени года, и мне это не нравилось. Когда я подошла к дому, швейцар Хэнсон глянул на свои наручные часы.

– Обычно в будни ты в это время уже дома, да?

– Гуляла с другом, – ответила я и не смогла сдержать легкую улыбку.

– Отлично, отлично, – сказал Хэнсон, тоже улыбаясь. – У тебя новый друг?

– Ага, – ответила я. – Даже помог мне с домашкой по геометрии.

Хэнсон, похоже, удивился таким новостям. Я никогда не скрывала своей ненависти к математике, поэтому то, что сегодня я не рыдала над домашним заданием, было достижением космических масштабов.

– Ну разве не славно?

– Хэнсон, вы просто не представляете, насколько.

Глава 8

Хоть горшком назови – 22 дня до

– Ты с нами сегодня не обедаешь, да?

Я захлопнула дверцу шкафчика и попыталась удержать в руках тетради и учебники, виновато глядя на Тейлор. Это был понедельник, да еще и такая рань, что я просто не смогла бы быстро придумать нормальный ответ на ее вопрос.

Она стояла, прислонившись к соседнему шкафчику, скрестив руки на груди поверх блестящей дизайнерской кофты. Выражение ее лица было для меня непривычным. Брови сведены, губы немножко надуты от возмущения, но в то же время она как будто готова была взорваться от нетерпения.

– Так ты снова сядешь с Арчером, – сказала она, так и не дождавшись моего ответа.

Я не могла понять, злится ли она, что я недавно ее бросила, или подшучивает надо мной.

– Он неплохой парень, Тейлор, – процедила я сквозь зубы. – На самом деле, он вроде как... приятный.

Ладно, эпитет «приятный», использованный в отношении Арчера, – это уж слишком далеко от правды, но за последние пару дней я заметила, что в некоторые моменты он не выглядит так, будто готов начистить всем морды. Считаю, это уже победа.

Тейлор вздернула бровь, на ее лице читалось крайнее удивление, которое, однако, сменилось ухмылкой, и она захихикала. Тейлор смеялась, пока не начала задыхаться, что привело меня в еще большее замешательство.

– Что смешного? – возмутилась я, не понимая, стоит ли мне на нее обижаться.

– О нет, ничего, конечно же, ничего, – ответила Тейлор, отмахнувшись. – Просто случай, похоже, совсем безнадежный, раз ты считаешь такого парня, как Арчер, *приятным*.

– Прости?

– Да ладно, Хэдли, я же знаю, что ты не *настолько* глупа.

– Ты о чем вообще?

Во мне крепло подозрение, что я знаю, на что именно намекает Тейлор, но я искренне надеялась, что ошибаюсь.

– Просто признай, – выдохнула Тейлор, в ее голосе послышалось недовольство. – Тебе *ужас как* нравится Арчер.

– *Что?* Он мне не нравится!

Надо было сразу догадаться, к чему она клонит. Я заскрипела зубами, а она принялась щебетать о том, что ей просто не верится, что я влюбилась в такого, как Арчер Моралес. Ее речь прерывалась приступами смеха.

– Слушай, Тейлор, – сказала я, засунув все вещи в рюкзак и выпрямившись. – Знаю, у меня сейчас все очень сумбурно, прости, но, поверь, мне не нравится Арчер, понятно? Он просто... ну...

А правда, кем Арчер был для меня? Я бы солгала себе, ес-

ли бы сказала, что ничего к нему не испытываю, ведь это не так. Но он не нравился мне *в таком смысле*. И вообще дело не в этом. *Не может быть*, чтобы оно было в этом. Такого варианта вообще не существует, ведь отсчет дней ведется не в мою пользу. Что я испытываю, так это беспокойство. Чувство ответственности. Необходимость сделать все для того, чтобы Арчер был жив. Уверена, что Смерть не рассчитывал на то, что у меня появятся чувства к Арчеру, а потому их у меня и не будет.

Так какое тогда место Арчер занимал в моей жизни?

– Арчер просто... кто? – спросила Тейлор, веселясь.

– Просто парень, – закончила я абсолютно неубедительно, прекрасно понимая, что он значит для меня гораздо больше.

– Ты довольно много времени теперь проводишь с этим *парнем*, – сказала Тейлор, снова хихикая. – Не знаю, что ты в нем нашла, но я целую *вечность* ждала, когда же у тебя проявится интерес хоть к кому-то, так что, думаю, пока сойдет и Моралес.

– В смысле? – изумленно выпалила я. – Если я не бегаю за мальчиками, это еще не значит, что я...

– Он звал тебя на свидание?

– Нет! Мы *не*...

– Он уже целовал тебя?

– *Нет!*

Тейлор тяжело выдохнула и откинула волосы за плечо, делая вид, что безумно обижена.

– Ну, когда решишь рассказать мне правду об Арчере, ты знаешь, где меня найти.

– Да я *говорю* тебе правду! – я не знала, как увести ее от нелепой идеи, что мне нравится Арчер. Не могла же я просто выболтать ей всю правду о том, почему внезапно решила привязать себя к его ноге. – Просто я...

Тейлор снова театрально вздохнула, побрела по коридору и уже через секунду взорвалась от очередного приступа смеха. Сложно было сказать, правда ли она считает всю эту ситуацию невыносимо смешной, или просто пытается меня выбесить. Вероятно, и то, и другое.

Я прислонилась к своему шкафчику и тяжело выдохнула, потирая лоб основанием ладони. Часть меня хотела догнать ее и все ей рассказать, объяснить, почему мне приходится ходить за Арчером по пятам, как глупенькая, потерявшаяся собачка, потому что было бы большим облегчением разделить мою ношу хоть с одной живой душой. К тому же Тейлор – моя *лучшая подруга*. И все же не думаю, что даже она бы мне поверила. Я не могла позволить себе упустить хоть одну возможность провести время с Арчером, но все равно скучала по нашим обедам с подругами. И по времени, которое мы раньше проводили вместе с Тейлор после уроков. И даже по марафонам «Топ-модели по-американски».

Но теперь все, что у меня было, – это двадцать два дня. Я и так не могла доставать Арчера на выходных, вытягивая из него больше подробностей о его жизни. Целых два дня – впу-

стую. Я подумывала о том, чтобы дойти до «Кофейни мамы Розы» в субботу в надежде, что он окажется там, но быстро отмела эту мысль, решив, что это будет *совсем уж* сталкерством. Должна же быть какая-то грань. К тому же я подозревала, что если начну давить на Арчера слишком сильно, то он забьется обратно в свой уголок в библиотеке и никогда больше со мной не заговорит.

Несмотря на мою небольшую словесную перепалку с Тейлор, тем утром произошло нечто хорошее. Как только я выстояла очередь на выдачу и завладела картошкой фри и сэндвичем с индейкой, то рванула через всю столовую на поиски Арчера.

У меня была для него новость. Важная новость.

Как только я подбежала к нужному столику в дальней части столовой, за которым обычно сидел Арчер, то попыталась сдержаться и не завизжать, но безуспешно.

– Арчер!

Я швырнула свою еду на стол и упала на стул напротив.

Арчер протянул руку, чтобы набрать горсть моей картошки, и забросил одну в рот, весело глядя на меня.

– Ты настолько рада меня видеть?

– Нет, не надейся, – ответила я, надеясь, что он не заметил, как я почти перестала дышать. – Но посмотри.

Я вытащила из сумки самостоятельную по геометрии и хлопнула ею по столу, чтобы он узрел чудо собственными

глазами.

Он глянул вниз на листок и ухмыльнулся.

– Четыре с плюсом? И ты поэтому в таком экстазе?

– Ну как бы да. Прошлую работу я завалила, – после того занятия в «Кофейне мамы Розы» и еще одного в библиотеке на этой неделе мне показалось, что я начинаю довольно неплохо понимать математику. Себя не похвалишь – никто не похвалит.

Я занялась распаковкой сэндвича с индейкой и откусила от него кусочек, все это время Арчер выглядел так, будто вот-вот снова рассмеется.

– Ну, – сказал он, отодвигая мою самостоятельную. – Похоже, ты не совсем уж безнадежная. Видимо, я хороший учитель.

– Не льсти себе, – поддразнила его я. – Тебе просто повезло.

– Да, ладно, – фыркнул он. – Мне? Повезло? Ага.

– Ты невыносимый пессимист, – сказала я. – Ты знал?

Арчер сунул в рот сразу несколько картофельных палочек, пожал плечами.

– Чаще всего существуют причины, почему люди делают то, что они делают.

Он не шутил. У меня были свои причины подписать тот контракт, и мне отчаянно хотелось верить, что они были вескими. У Арчера были свои причины убить себя в прошлом. И хотелось бы надеяться, что скоро я смогу убедить его по-

делиться этими причинами со мной, и в этот раз помешаю ему довести дело до конца.

– Ладно, – медленно согласилась я. – Но... смотри. Всего два занятия, а я уже успешно справилась с целой самостоятельной по геометрии. Согласись, не так уж и плохо, что я сижу с тобой на обеде?

– Да, для тебя, может, и неплохо.

Я не сводила глаз со столешницы, вертя в руках упаковку от сэндвича.

– Я правда так сильно тебя раздражаю?

Абсолютно ничего бы не изменилось, ответь он мне, что я величайший раздражитель в его жизни. Осознает он или нет, но наши судьбы теперь сплетены на неопределенный срок. Мне просто хотелось узнать ответ на этот вопрос – для себя.

Арчер небрежно провел рукой по волосам.

– Хэдли, просто потому что я...

– Так-так, что тут у нас? Арчер Моралес наконец завел себе подружку.

Мы оба обернулись на звук сквозящего надменностью голоса, встрявшего в наш разговор. Рядом с нашим столиком стоял высокий крепкий парень с аккуратно уложенными гелем волосами и максимально нахальной ухмылкой, на какую только способен человек. Это был Тай Риттер, «золотой мальчик» старшей школы Джона Ф. Кеннеди, ведь его папа был большой шишкой в прокуратуре и владел доброй половиной Верхнего Ист-Сайда. Я уже пересекалась с ним

раньше – Тейлор любила флиртовать с парнями из компании Тая, – но понятия не имела, зачем он приперся сюда. По правилам старшей школы, Арчер принадлежал к иной социальной группе, нежели Тай. Судя по отвращению на лице Арчера, он прекрасно знал, кто такой Тай, и я сильно сомневаюсь, что между ними хоть раз состоялся приятный разговор.

Я подумала, что, возможно, все дело в деньгах. Ученики попадали в нашу школу либо за счет мозгов, либо потому что за них заплатили родители. Я входила во вторую категорию, хотя мои достаточно высокие оценки по английскому и истории помогали компенсировать не самые высокие баллы по всему, что связано с математикой. Моя учительница по английскому мисс Грэм, которая, пожалуй, была моей любимой из всех учителей, делала учебу в этой школе приятной благодаря веселым, насыщенным урокам и традиции бросать конфеты ученикам, которые дают правильные ответы. Меня всегда мотивировали конфеты.

Даже если бы я не знала, где работают его родные, по тому, как Арчер одевается, было очевидно, что он не из богатой семьи. То, что он носил не брендовые джинсы, в то время как большинство мальчиков в параллели одевались у модных дизайнеров с Пятой авеню⁴ или в до смешного дорогих магазинах винтажной одежды, было, очевидным показателем того, что он оказался здесь исключительно благодаря своим до-

⁴ Пятая авеню – улица в центре Манхэттена в Нью-Йорке, на которой располагается множество дорогих модных бутиков. (Прим. пер.)

стижениям в учебе. Неудивительно, что он ранее отпустил едкий комментарий по поводу того, что я богата. Ему приходилось впахивать, как проклятому, чтобы быть здесь, тогда как люди вроде меня и Тая могли вообще не стараться и просто плыть по течению. Мне стало немного стыдно.

– Тебе чем-то помочь? – спросил Арчер Тая, и, судя по его тону, это было последнее, чего ему сейчас хотелось.

Тай проигнорировал Арчера и сел рядом со мной, притягивая к себе через весь стол мою картошку.

– Нам не хватало тебя на вечеринке у Беннетта в эти выходные, Хэдли.

– Вечеринки – не мое, – сказала я, все мое внимание по-прежнему было обращено на Арчера. Он то ли собирался замазать Таю по лицу, то ли готовился вскочить и в бешенстве вылететь из-за стола. По тому, как он сидел на самом краешке стула, было видно, что ему явно некомфортно.

– Жаль, – ответил Тай с набитым картошкой ртом. – Нам всем немного грустно, что ты последнее время совсем не появляешься. Тейлор сказала, это потому, что ты проводишь все свое время с Моралесом.

«Да вы, блин, шутите, – я была в полном недоумении. – Тай Риттер хочет поговорить с Арчером обо мне?» Ему-то какое дело? До меня начало доходить, что Тай просто ищет повод задеть Арчера.

Арчер откинулся на спинку стула, скрещивая руки на груди.

– Я здесь ни при чем. Все вопросы к ней, Риттер.

– Знаешь, надо отдать тебе должное, Моралес, – сказал Тай, теперь глядя на Арчера. – Ты, наверное, какой-то особенный, раз смог заманить такую девушку, как Хэдли. Немного не твой уровень, брат.

– О, я в курсе, – сухо ответил Арчер. – Существует какая-то причина, по которой ты решил поделиться со мной этой информацией, или тебе просто в кайф тратить мое время?

Тай снова пожал плечами.

– Да, но еще я хотел дать тебе один совет. Ну, знаешь, просто потому что я хороший, добрый парень.

Я открыла рот, чтобы сказать Таю, куда я ему засуну остатки моего сэндвича, если он не захлопнется, но от взгляда, который метнул на меня Арчер, слова так и застряли в горле.

– И какой же?

– Ну, мы с парнями это обсуждали, – медленно начал Тай, – и подумали, – знаешь, раз твой батя в тюрьме и все дела, – что ты наверняка тоже однажды закончишь, как он, так что лучше бы ты отвалил от Хэдли. Понимаешь? Скажем, *не подходил к ней ближе, чем на сто метров*. Такая милашка, как она, никогда не...

Мое лицо загорелось жарким пламенем. Я не понимала, о чем он говорит, но все явно зашло слишком далеко.

– *Отстань* уже от него. Seriously, блин! Как можно быть

таким болваном, как ты, Тай?

Несколько секунд Тай таращился на меня широко раскрытыми глазами, пока я сидела на месте, задыхаясь, залившись краской. Я не могла взглянуть на Арчера. Боялась его реакции. Последнее, чего я хотела, – чтобы какой-то тупица вроде Тая Риттера сбил Арчера с толку, разрушил все, чего я добилась за прошлую неделю, пусть прогресс и был невелик.

– Ну, думаю, ты получил ответ на свой вопрос, – сказал Арчер к удивлению моему и Тая. – А теперь пока.

Тай отодвинул стул и поднялся, хлопнул руками по столешнице и склонился к Арчеру.

– Просто подумай над этим. Может, окажешь себе услугу.

Я сделала глубокий размеренный вдох и взглянула на Арчера, собираясь с силами и готовясь к его реакции. Он смотрел на меня с самым настоящим презрением.

– Слушай, Арчер, я...

– Никогда больше со мной не разговаривай, – в сверлящих меня глазах пылал пожар. – Ты, может, считаешь, что оказала мне услугу, но все с точностью до наоборот. Я могу за себя постоять. Так что буду признателен, если ты не будешь совать нос в мои дела. То же передай своему тупому другу Таю Риттеру.

Он не дал мне шанса что-либо сказать в ответ и направился к выходу из столовой. Стоящие рядом люди машинально расступились, давая ему проход, и он быстро скрылся из виду.

Может, я и поторопилась, когда вот так накричала на Риттера, но разве я могла молчать, когда он говорит такие ужасные вещи? И все же теперь сомнений не оставалось: Арчер больше не захочет иметь со мной ничего общего. И могла ли я винить его за это? Проводя с ним время, я делала его еще более интересным объектом для насмешек уродов вроде Тая. Мне это совсем не помогало. А для него это было идеальным поводом держаться от меня подальше, так что теперь я могу навсегда распрощаться с идеей о нашей дружбе.

До конца дня я снова и снова прокручивала в голове то, что сказал Тай. Чем больше я думала о том разговоре, тем хуже себя чувствовала. Риттер сказал, что Арчер однажды закончит в тюрьме, «как его батя». Как я могла упустить что-то настолько серьезное, как то, что папа Арчера *сидит в тюрьме*?

Одно это утверждение вызывало больше вопросов ко всей сложившейся ситуации, чем я смогла бы переварить. Хотелось верить, что Тай просто придумывает, но выражение лица Арчера после его слов говорило само за себя. Тай задел Арчера за живое и прекрасно это знал.

Но, по крайней мере, теперь я знала, какую из тайн Арчера мне предстоит разгадать следующей.

Глава 9

Отчаянные времена требуют отчаянных мер – 21 день до

У меня появились новые утренние ритуалы с тех пор, как я заключила сделку со Смертью. По утрам я ездила на автобусе с Тейлор, у шкафчиков мы расставались, после чего я проводила первую половину дня, болтая с Бри в коридорах между уроками. Я изо всех сил старалась быть внимательной на уроках государственного строя США и химии, хотя болтовня с Челси – моей партнершей по лабораторным – была намного интереснее периодической таблицы. У нас с Арчером не было общих уроков, поскольку в одиннадцатом классе учеников распределяли согласно наличию в их расписании углубленных предметов – а Арчер был достаточно умен для углубленного изучения и, видимо, решил воспользоваться этим правилом.

На обеденном перерыве я брала на раздаче сэндвич или салат и картошку фри и садилась с Арчером за столик в дальней части столовой. Обед был нашей единственной возможностью побыть вместе за весь день. Я решила, что сегодня снова заговорю про репетиторство по геометрии и попристаю к Арчеру с просьбой выделить в его расписании время на то, чтобы он помог мне с формулами площадей и объемов

геометрических фигур, что, опять же, поможет мне немного сблизиться с ним. Может, я и пробила себе дорогу в его жизнь, но пока понятия не имела, повлияла ли хоть как-нибудь на его решение покончить с собой.

Когда во вторник Арчера не оказалось за нашим обычным столиком в глубине столовой, я совершенно не была к этому готова. Я быстро осмотрелась, приподнявшись на цыпочки, искала взглядом Арчера, и вскоре стало ясно, что его нигде нет. В параллели одиннадцатых было меньше двухсот учеников. Если бы Арчер был на обеде, я бы уже его увидела.

Не хотелось признавать, но мне стало страшно. Конечно, я не смогла бы контролировать его местонахождение *круглые сутки*, но уровень тревожности сильно подскочил, когда я поняла, что не знаю, где он. Прошла почти неделя с тех пор, как меня отправили назад во времени, но я уже привыкла быть рядом с Арчером. Я наслаждалась каждым моментом, который мы проводили вместе и начала замечать чувство внутренней опустошенности, которое появлялось ментально каждый раз, когда мы расставались.

Первой мыслью было пойти поискать его в библиотеке или, может, посторожить у его шкафчика, но что-то мне подсказывало, что так я только выведу его из себя. А потом я вспомнила, что вчера произошло на обеде с этим тупым Таем Риттером. Я сдержала стон, сжимая пальцами сэндвич. После *такого* Арчер ни за что не появится в столовой. И не подойдет ко мне.

«С Арчером все нормально, – пробормотала я себе под нос, поменяла направление и подошла к столику, за которым Тейлор, Бри и Челси обычно сидели на обеде с другими девочками из класса. – Конечно, с ним все нормально».

– Ой-ой, – сказала Тейлор, когда я плюхнулась на стул напротив нее. – Над раем сгустились тучи?

– Не-а, просто хотела побыть с тобой, – уверенно ответила я, пытаясь убедить не только Тейлор, но и себя. – Все равно у Арчера дела. У него все предметы углубленные, поэтому всегда куча домашки.

Слова прозвучали неубедительно, хоть я и была уверена, что у Арчера *и правда* куча домашки. Девочки, похоже, тоже не купились.

– Ты должна объяснить мне, подруга, потому что я правда не понимаю, – вклинилась Челси, склоняясь ко мне. – Что ты нашла в этом парне? Он, мягко говоря, непростой.

Я тяжело сглотнула, дрожащими руками снимая пленку с помятого сэндвича. «Я много чего в нем *нашла*, – хотелось сказать мне. – По крайней мере, больше, чем все здесь присутствующие».

– Он занимается со мной геометрией, – отчасти солгала я, желудок сжало от чувства вины.

Мне не нравилось недоговаривать, тем более подругам, но что еще делать, когда меня буквально приперли к стенке?

– Ага, – сказала Тейлор, явно не впечатленная моим ответом. – Конечно.

– Серьезно! – я сунула руку в сумку и пошарила в поисках той самой самостоятельной по геометрии, протянула ее им через стол. – Смотрите!

Бри присвистнула, глядя на мою работу.

– Неплохо, но я бы посмотрела, как бы ты справилась с ней *без* калькулятора.

– Это невозможно, – сказала я, забирая листок. – На уроках миссис Лоуэлл и так несладко.

– Не такая уж геометрия и сложная, – не согласилась Бри. – Я училась у миссис Лоуэлл в девятом – легкотня.

– Осторожно, – сказала Челси. – За соседним столом Дженсен Эдвардс. Вдруг услышит, что на самом деле ты математический гений.

Я немного расслабилась, когда разговор ушел от Арчера, хотя по-прежнему переживала за него. Разговоры с девчонками, болтовня о том о сем, как в прежние дни, помогали отвлечься, но все же этого было недостаточно. На мгновение мне удалось забыть о том, что не давало покоя, но стоит оказаться наедине со своими мыслями, тревога накроет с новой силой. Отдых с подругами может позволить себе только прежняя Хэдли, не та, что заключила сделку со Смертью.

После звонка с уроков я еще какое-то время постояла у шкафчика Арчера, всматриваясь в толпу в попытках разглядеть знакомые черты. Ничего. Когда коридор почти полностью опустел, я поняла, что ошиваться здесь больше нет смысла. Разочарованно вздохнула и потопала вниз по лест-

нице.

До дома пришлось ехать на электричке – пока я ждала Арчера, автобус уже ушел. Час спустя, зайдя в квартиру, я вытащила телефон и написала Челси, Тейлор и Бри. Если буду торчать дома одна, пытаюсь делать уроки, то уйду в собственные мысли и доведу себя до ручки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.